
Марк Вельский
Волчья кровь
Книга 1
Первая стая

Марк Вельский

Волчья кровь. Первая стая

https://litres.ru/74704214
SelfPub; 2026

Аннотация

Они превращаются в волков, чтобы спасти других. И с каждым превращением забывают тех, ради кого сражаются.

Они выиграли войну. В награду князь приказал их убить.

Девять воинов волчьей дружины вырываются из ловушки на пиру победителей. Теперь воевода Ратмир ведёт уцелевших через Девятиземье, где вчерашние союзники стали охотниками, а за помощь беглецам расплачиваются целые деревни.

Волчья кровь даёт им силу, способную сокрушить целое войско. Но за каждый выход зверя приходится платить частью памяти.

Пока княжеские ловчие идут по следу стаи, Ратмир узнаёт: за предательством скрывается древняя тайна. Кто-то собирает утраченные воспоминания и превращает чужие имена в оружие.

Ратмиру предстоит решить, что важнее - отомстить князю или спасти тех, кто всё ещё ему доверяет. И хватит ли ему собственных воспоминаний, чтобы сделать этот выбор.

«Волчья кровь. Первая стая» - начало тёмной фэнтезийной трилогии о предательстве, памяти и цене силы. Вторая и третья книги готовятся к публикации.

Содержание

Глава первая. Пир победителей 5
Глава вторая. Цена зверя 21
Глава третья. Дымовка 36
Глава четвёртая. Медвежья переправа 52
Глава пятая. Мёртвая женщина 66
Глава шестая. Лес, который слушает 83
Глава седьмая. Семеро у тропы 93
Конец ознакомительного фрагмента. 102

Марк Вельский
Волчья кровь. Первая стая

ВОЛЧЬЯ КРОВЬ

Книга 1. Первая стая

Марк Вельский

Глава первая. Пир победителей

Собаки молчали.

Ратмир заметил это ещё возле ворот, когда спешился и передал повод конюху. Обычно княжий двор встречал гостей таким лаем, словно за частоколом держали всех волков Чернолесья. В этот раз у пустых псарен валялась мокрая солома, а от земли тянуло свежей известью.

— Куда псов дели? — спросил он.

Конюх отвёл глаза.

— Велено убрать, воевода. Чтоб не тревожили гостей.

— Добрый у нас князь.

Парень не улыбнулся. Ратмир запомнил его лицо: длинный нос, родинка на щеке, ободранные костяшки пальцев. Конюх всё время отворачивался, словно боялся быть узнанным.

Большой терем гудел голосами. Под балками плавал дым, в очаге потрескивала берёза, по столам носили печёных гусей, оленину, пироги с рыбой. Пахло хмелем, жиром и мокрой шерстью: половина гостей явилась прямо с дороги. На стене над княжеским местом висел новый щит с соколом, крылья которого закрывали девять лучей солнца. Столько земель когда-то было в Девятиземье. Теперь шесть признавали одного князя.

Войну объявили законченной ещё до того, как с послед-

них телег сняли окровавленные попоны. Ратмир слышал слово «мир» весь день и всякий раз вспоминал Сухую речку.

Ратмир прошёл вдоль столов. Кто-то хлопнул его по плечу, кто-то назвал спасителем Верховья. Молодой дружинник, пьяный ещё до первого тоста, объявил его лучшим человеком во всех девяти землях.

— Плохо же ты людей знаешь, — сказал Ратмир.

Дружинник почтительно поклонился, приняв слова за мудрость.

Свои сидели у дальней стены. Млада спорила с Берестом о том, можно ли одним ударом повалить троих всадников. Берест утверждал, что однажды повалил четверых; Млада предлагала ему начать с одного трезвого. Ольша точила короткий нож о край точильного камня, прикрыв работу ладонью, чтобы не заметили княжеские слуги. Невзор сидел спиной к стене. Ждан делил яблоко маленьким кривым ножом — ему всегда хотелось, чтобы каждому досталось поровну. Гостята переписывал на узкую берестяную полоску имена погибших товарищей. Старый Рожан разглядывал собственную ладонь, будто впервые её увидел.

Тихон улыбался. В девятнадцать лет он всё ещё умел радоваться пиру так, будто ни одной войны прежде не было. Успел улыбнуться даже боярину, который год назад обозвал его зверёнышем.

Ратмир не стал его одёргивать.

— Сивый! — крикнула Млада. — Скажи этому дуболому,

что он врёт.

— Он врёт, — сказал Ратмир, не зная, о чём речь.

— Вот! — торжествующе произнесла она.

Берест отхлебнул медовухи.

— С вами больше пить не стану.

— Ты это четвёртый раз обещаешь, — заметила Ольша.

— Значит, четвёртый раз и не стану.

Ратмир сел и осмотрел серебряные чаши. Девять одинаковых, с княжеским соколом на дне. После каждой большой победы он получал награду, но никогда прежде для его людей не готовили отдельную посуду, отличную от боярской.

— Чего хмуришься? — тихо спросила Млада.

— Псов нет.

— Каких ещё псов?

— Княжеских. И у западных ворот стоят люди Братибора.

— Братибор погиб под Сухой речкой.

— А люди его должны были разойтись по домам.

Млада поставила чашу. Вместо расспросов пододвинула к себе лук, прислонённый к скамье. Ратмиру этого хватило.

Вошёл великий князь Всевлад Миротвор. Шум затих не сразу. Музыкантам пришлось дважды показать, что князь желает говорить. Всевлад не любил кричать. И на поле боя тоже.

Он был высоким, с ранней сединой у висков и тяжёлым лицом, которое мало кто видел улыбающимся. Сегодня на нём была простая тёмно-синяя рубаха с серебром по вороту.

В этой рубахе он принимал присягу последнего покорённого князя.

— Братья! — произнёс Всевлад. — Двадцать лет наша земля горела. Двадцать лет матери хоронили сыновей, а князья делили то, что было доверено им хранить. Сегодня этой войне конец.

Гости заревели. Тихон вскочил первым. Берест ударил чашей о стол и едва не опрокинул кувшин.

— Этого мира не было бы без воинов, шедших первыми туда, откуда другие возвращались только в песнях. Без тех, кто принял на себя самые тяжёлые битвы. За волчью дружину!

Все подняли чаши.

Ратмир не поднял своей. На возвышении перед князем и боярами стояло красное вино. У его людей — только медовуха. Слуги, разливавшие её, были незнакомы; один нёс кувшин в рукавицах, хотя в тереме стояла жара.

— Не пить, — сказал Ратмир.

Млада даже не обернулась.

— Слышала.

— Тихон, поставь чашу.

Юноша нахмурился, но подчинился. Берест, уже отпивший, посмотрел на свою посудину с искренним сожалением.

За соседним столом что-то стукнуло. Один из волчьих, из другой сотни, упал лицом в блюдо. Кто-то засмеялся, решив, что тот перепил. Следом повалился второй. Мужчина с пере-

вязанной головой попытался подняться, опрокинул скамью и захрипел так, будто в горле у него застрял камень.

Ратмир вскочил.

— К оружию!

За дверью загрохотал засов. Слуги бросились к стенам. Один выдернул из-под скатерти арбалет, другой опрокинул светильник: огонь побежал по сухому краю занавеси.

Млада метнула чашу ему в лицо. Серебро ударило в переносицу, тетива щёлкнула, и короткий болт впился в балку над Ратмиром.

Теперь закричали все.

На возвышении Всевлад оставался неподвижен. Он смотрел не на столы, где падали отравленные воины, а прямо на Ратмира.

— Прости меня, брат, — произнёс князь.

И махнул рукой людям у боковых дверей.

Из-за тяжёлых занавесей шагнули копейщики. На каждом копье блестел длинный серебристый наконечник. Серебро волчьих не убивало, как уверяли деревенские сказки, но княжеские оружейники научились травить сталь особым составом, после которого раны не затягивались.

— Ждан! — рявкнул Ратмир. — Кто пил?

— Берест. Рожан. Гостята глоток сделал. Остальные нет!

— Через кухню. Невзор — впереди. Ждан, раненых держи за мной.

— Через кухню? — возмутился Берест. — Её же заперли!

— Значит, откроем.

Ратмир вытащил топор из петли. На дальнем столе корчился Держан, с которым он три зимы делил плащ и костёр. Ратмир двинулся к нему, но путь перекрыли копейщики. Один наступил на упавшую чашу; серебро хрустнуло под сапогом.

За запертыми дверями во дворе по-прежнему не лаяли собаки.

Конюх знал, зачем их увели. И ничего не сказал.

* * *

Волк умирает человеком — так говорили в стае. Ратмир прежде считал поговорку присказкой для новобранцев. Теперь ему хотелось лишь вывести людей из терема, пока они ещё могли выбирать, кем умрут.

Первого копейщика он ударил обухом по колену, второго подсек лезвием под ремень доспеха. Третий сумел задеть его плечо. Кровь под кольчугой была горячей, пахла железом и дымом, но рана почти сразу начала стягиваться. Значит, наконечник был простой. Князь не рассчитывал, что они успеют добраться до ближней стражи.

— Не обращаться! — крикнул Ратмир.

Берест уже сгибался, вцепившись в край стола так, что трещало дерево. Отравленная медовуха жгла его изнутри. Когда волчья кровь искала выход, превращение могло пойти само — вместе с памятью о жизни, которую приходилось отдавать.

Млада ударила Береста кулаком в грудь.

— Смотри на меня. Назови мать.

— Глупая баба, — прохрипел он.

— Имя!

— Милована.

— Отца!

— Ярец.

— И что ты должен мне за проигранный спор?

— Три гривны, и не дождёшься!

— Вот теперь беги.

От дверей кухни пахнуло горячей водой и печёным луком. Невзор выбил засов плечом, Ждан протащил внутрь Рожана, которого качало от яда. У старика глаза стали мутными, однако шагал он сам и повторял под нос девять имён. Каждый раз начинал с Ратмира, сбивался на восьмом и начинал счёт снова.

Невзор сбил с ног второго слугу, не успевшего выстрелить. Ольша вырвала у него заряженный арбалет. Гостята подобрал берестяную полоску, затоптанную под скамью, и спрятал в футляр.

В кухне не осталось поваров. Под очагом краснели угли, на крюке висел котёл с горячей водой. У дальней стены Невзор уже отодвигал мешки от низкой дверцы.

— За очагом зольный лаз, — сказал Невзор. — Через подклеть он ведёт к старой стене.

— Узкий, — заметил Ратмир.

— Людям подойдёт.

— А волкам?

Невзор показал на копейщиков, уже пробивавшихся сквозь дверь.

— Им тоже хотелось бы знать.

Ольша выстрелила из отобранного арбалета в первого копейщика, показавшегося на кухонном пороге. Болт попал ему в шею. Она бросила оружие, сунула за пояс запасной болт, а Млада толкнула дверь, и Ратмир задвинул внутренний засов.

Ратмир видел, как дрожит Тихон. Юноша побледнел и сжимал меч обеими руками, хотя учили его держать клинок одной. Ещё утром он шёл на пир, надеясь заслужить место за столом князя. Теперь вокруг горели занавеси, а люди с соколами на щитах пытались проткнуть его, прижав копьями к столу.

— Тихон, берёшь Рожана под руку. Шаг от него — и вернёшься за ним под стрелами.

— Я могу драться.

— Когда понадобится, скажу.

За печью нашли низкую дверцу. Золу когда-то вывозили в овраг, пока новый терем не поставили поверх старого основания. Невзор первым протиснулся в ход и проверил выход к подклети. Вернулся, помог Ольше перебраться через порог. Следом Ждан протащил мешок лекарств и принял Рожана, которого Тихон подталкивал сзади. Гостята замешкался, пы-

таясь просунуть кожаный футляр с дощечками.

— Брось бумажки! — крикнул Берест.

— Это имена!

Берест выругался, вырвал футляр и швырнул в отверстие.

— Вот теперь не имена, а снаряд. Ползи!

Ратмир и Млада остались прикрывать проход. Между ними и княжескими стоял широкий стол. Ратмир упёрся в него ногой, Млада обрушила на пол котёл с кипятком. Копейщики отпрянули, крича и проклиная волчьих.

Дверь выдержала первый удар, хотя скобы засова согнулись. По ту сторону переставляли щиты. Сотник велел поднести мокрые шкуры: солдаты уже знали о котле. Ратмир глянул на широкую сковороду у очага.

В проходе за спиной застряли люди. Под коленями Рожана лопнул старый мешок с горшками; черепки покатились в лаз. Ждан принялся освобождать отверстие. Гостята помогал вытягивать старика. Тихон отступил в кухню, хотя ему дважды велели ползти вперёд.

— Там тесно. Если Берест полезет следом, закупорит ход, — сказал он.

— Слышишь, Берест? Даже мальчишка признал тебя крепостным сооружением, — ответила Млада.

Берест хотел что-то сказать, но отрава свела ему челюсти. Он прислонился к стене и весь затрясся. На пальцах проступили тёмные пятна, ногти на миг стали длиннее. Ждан сунул ему в рот деревяшку, которую раньше подкладывали под го-

рячий горшок.

— Прикуси. Не проглоти.

Снаружи перестали бить в дверь. Под створкой потянулся сизый дым: в коридоре подожгли смолу. От едкого запаха у Береста дёрнулись плечи. Если кто-то из них обратится, в зольный лаз уже не пролезет; в кухню останется только стрелять через дверь. Ладогост знал это не хуже Ратмира: столько раз они вместе выгоняли противника дымом из тесных укрытий.

— Невзор, отдушина над кладовой. Выбей решётку. Пусть дым тянет наружу.

Невзор вскарабкался на полку, ударил рукоятью ножа по железному гвоздю. Гвоздь не вышел. Тогда Невзор выдернул из поленницы забытый кухарский топорик и выбил каменный клин. И из чёрной щели посыпались сухие птичьи гнёзда. Дым повернул туда тонкой струёй.

Ратмир глянул на дверь. Тени за ней изменились: от неё отошли двое, остальные наклонились. Сейчас ударят разом. Он велел Младе снять с огня широкую сковороду с жиром. Сковорода была такой тяжёлой, что приходилось держать обеими руками. Они подняли её на край стола и опрокинули содержимое в щель под дверью.

За стеной закричали. Копейщики ударили ещё раз, и внутренний засов вырвало из скоб. Ратмир метнул нож в открывшуюся щель. Человек снаружи вскрикнул и отдёрнул руку. Створку удалось прижать перевёрнутым столом; над его кра-

ем возник глаз под железным наглазником.

— Ратмир! — крикнул человек снаружи. — Приказано брать тебя живым. Сложи оружие, остальных пощадят!

Ратмир узнал голос Ладогоста. Тот когда-то командовал его обозом, умел читать след на мерзлой земле и однажды вынес раненого Береста из горящего сруба.

— Ты знаешь, что это ложь, — ответил он.

За дверью стало тихо. Ладогост не возразил. В этой паузе оказалось больше ответа, чем в любом обещании пощады.

— Мой сын за воротами, — сказал сотник совсем другим голосом. — Если я тебя выпущу, князь повесит его.

Ратмир не нашёл слов. Млада смотрела на щель и ждала, когда он примет решение. Выбора, который никого не убьёт, у них не было.

— Уведи своих с порога, — сказал Ратмир. — Мне нужен проход для раненых.

Ответом стал залп из арбалетов. Два болта вошли в столешницу, один пробил мясо на крюке. Млада толкнула стол, опрокидывая его на бок. Под прикрытием тяжёлых досок Берест сумел сделать три шага к подклети. Каждый шаг давался ему дороже, чем вся вчерашняя битва.

Ратмир ударил по ножке стола и отломил её. Получилось неровное дубовое копьё. Он сунул его Младе.

— Не бить в грудь. В колено и обратно. Нам не нужны трупы у прохода: о них споткнутся свои.

Млада кивнула, перехватила дубовую ножку ближе к

острию и стала левым плечом к проходу. В тесноте они без слов нашли прежний боевой порядок: её удар — ниже щита, его — поверх плеча.

Когда створка наконец подалась, они встретили первый ряд не яростным рывком, а холодной работой. Млада поддела щит наконечником, Ратмир ударил в открывшуюся щель обухом. Копейщик упал, загораживая остальным дорогу. Второму Ратмир не позволил шагнуть через тело: сбил копьё вниз и прижал древко сапогом. В кухню никто не вошёл.

Невзор высунулся из зольного лаза: последние раненые прошли, он вернулся за оставшимися. Ратмир дал Младе знак отступать, сам задержался, чтобы выдернуть нож из дверного косяка. На клинке была кровь. Ладогост за створкой велел подтянуть арбалетчиков. Значит, старый товарищ остался жив — и продолжил бой.

Млада оглянулась, оценивая, сколько мгновений осталось до нового штурма.

— Всевлад живой? — спросила она.

— Видел.

— Тогда идём.

Выбравшись из зольного хода под стеной терема, они попали во внутренний двор, отгороженный вторым рядом укреплений. Здесь, внизу под теремом, даже праздник не заглушал привычных звуков крепости: скрип ворот, перестук сапог на помостах, ржание лошадей.

Невзор прислонился к брёвнам и выслушал караул. Его

слух после превращений обострялся так, что иногда он слышал биение чужого сердца через дверь.

— На вышке четверо. У калитки двое. За воротами конные, — сказал он.

— Знаешь число? — спросила Ольша.

— С конями не договаривался.

Ратмир оценил стену. В трёх местах брёвна обгорели ещё в старом пожаре, их не заменили: князь спешил закончить войну и тратил серебро на людей, а не на дерево.

— Берест, поможешь?

Тот прислонился к камню, лицо его приобрело зеленоватый оттенок.

— Если жив буду.

— Будешь, если не испугаешься.

— Я боюсь только Млады и пустого стола.

Берест протянул Ратмиру ладонь, большую, как лопата. Ратмир накрыл её своей. Они не произнесли обряда. Волчья кровь не требовала слов, только согласия.

Позвоночник Ратмира выгнулся. Кольца доспеха впились в кожу, потом лопнули на боковых ремнях. Ногти стали чёрными когтями. Из челюсти выступили длинные клыки, и мир раскрылся запахами: мокрое дерево, холодный конский пот, отрава на стрелах, давний страх стражника, стоявшего за стеной.

Он вырос выше двух мужчин, если поставить одного другому на плечи, но не стал похож на обычного волка. Плечи

оставались широкими, руки — руками, способными удерживать тяжёлый топор. Только теперь древко казалось детской игрушкой.

Берест обратился следом. Его тёмная шерсть на загривке была спутана от крови, а в глазах горела оскорблённая злость. Удар двух чудовищ пришёлся в старые брёвна одновременно. Частокол не выдержал. Обломки посыпались наружу.

С вышки выстрелили. Стрела пробила Ратмиру бок. Он почти не почувствовал боли, но ощутил, как что-то внутри него оборвалось — не жила, не мышца, а тонкая нить, которую нельзя было разглядеть.

«Какая у матери была улыбка?» — возникла мысль.

Он не смог ответить.

Снаружи за проломом улицу перегородили две телеги с железными шипами. Над телегами стояли лучники в знакомых синих плащах — люди князя, которых Ратмир сам учил не стрелять прежде сигнала. Теперь командир караула сделал знак выпустить первую стрелу.

— Ложись! — крикнула Млада.

Тихон потянул Рожана на землю. Стрелы прошли над ними и впились в брёвна домов. Ольша, пригнувшись, подобралась к ближней повозке и втиснула запасной арбалетный болт между спицами. Колесо дёрнулось, древко переломилось. За повозкой уже натягивали новые луки, и ей пришлось откатиться к стене.

Ратмир в зверином облике чувствовал каждое движение с болезненной отчётливостью. Пальцы стражника на тетиве; удар сердца Тихона у стены; кровь Береста, которой пахло сквозь мокрую шерсть. Он хотел разорвать телеги и людей за ними, но тогда впереди останется дорога, усыпанная знакомыми лицами. И, что хуже, он может забыть, почему стремился их пощадить.

Он ударил когтями не по человеку, а по оси повозки. Дерево лопнуло. Колесо отскочило к стене. Берест бросился на вторую телегу, поднял её за заднюю доску и перевернул поперёк улицы, закрывая стаю от лучников. По щиту из перевёрнутых досок затарабанили стрелы.

— К ручью! — рявкнул Ратмир. Невзор уже открыл боковую калитку, отведя железный прут между досками. Пока Берест держал перевёрнутую телегу под стрелами, остальные перебежали хозяйский двор. Ждан с Гостятой поддерживали Рожана. У кузницы мальчик-подмастерье уронил молот и закричал; Млада спрятала его за каменной печью, затем вывела последних к мельничному спуску. Ратмир коснулся плеча Береста. Вместе они отступили за угол, прежде чем лучники обошли телегу.

У самого ручья поперёк узкой набережной метнулся конь без всадника. Берест оттолкнул животное от прохода, не калеча его, и помог Гостяте провести Рожана по скользкой кромке. Колокола за спиной всё ещё били тревогу, но между беглецами и крепостью теперь лежала вода.

У старой водяной калитки, за каменной мельницей, все девять собрались снова.

Ратмир вернулся в человеческое тело, опустившись на колени в холодную воду. Остатки доспеха свисали лохмотьями. Он долго дышал, пока язык снова не стал привычным.

— Целы? — спросил он.

— Гостята бересту спас. Самого чуть не пришлось вытаскивать за пояс, — ответила Ольша.

— Все девять, — сказал Ждан.

Рожан коснулся пальцами своей шеи, будто проверял, осталась ли голова.

— Девять, — повторил он. — А было сколько?

Никто не ответил.

С башни на башню передавали сигналы рогами. Там, где двадцать лет открывали им ворота, готовили облаву.

Ратмир хотел вспомнить мать — прежде чем идти дальше, просто удержать на мгновение её улыбку. Вместо лица пришла пустота.

Он понял, чем заплатил за проломленную стену.

И почему так торопился князь.

Глава вторая. Цена зверя

Огни княжеских башен остались далеко позади. У самой кромки леса Ратмир заставил отряд свернуть с наезженной дороги на углежожью тропу: туда конные могли войти только по одному. К рассвету лес начал пахнуть снегом, хотя в это время года здесь обычно ещё стояли дожди. Под ногами хрустела угольная крошка: когда-то здесь возили лес к выжигательным ямам. Ратмир приказал не разводить огня, не разговаривать громко и не ломать веток, если можно пригнуть. После криков в тереме эта осторожность требовала большего терпения, чем короткий бросок на стражу.

На склоне за Чёрным ручьём Ждан наконец заставил их остановиться.

— Ещё час, и вы понесёте Береста, — сказал он.

— Не меня, — возразил тот. — Мою гордость. Весит больше.

Он брёл, придерживаясь за деревья. Отрава была не столь сильна, чтобы убить волчьего сразу, но разрывала силы, словно внутри тела бродил песок. Ждан положил Береста на сырой мох, достал из сумки маленькую костяную иглу и раскрыл ножом старую рану на предплечье.

— А это зачем? — поинтересовался Берест.

— Чтоб ты перестал говорить.

— Не поможет.

Из раны вытекла тёмная вязкая кровь. Ждан смешал порошок высушенного корня с водой и дал товарищу проглотить. Потом принялся обрабатывать плечо Ратмира. Княжеская стрела оставила грязную дырку, которая не спешила затягиваться.

— Отравленная? — спросил Ратмир.

— Нет. В тебе больше усталости, чем крови. После обращения тело собирает себя заново, а ему нечем.

Млада присела рядом.

— Что забыл?

Ратмир посмотрел на неё. Он мог бы солгать. Все так делали после превращений: называли потерянную безделицу, если даже забыли что-то ужасное. Но Млада знала его слишком давно.

— Мать. Лицо.

Она не стала утешать.

— Как звали?

— Дарёна. Звала меня Раткой, когда никто не слышал. Рубахи сушила над печью, всегда с левой стороны. И смеялась... — Он оборвал себя. — Не могу вспомнить её улыбку.

— Запиши, — сказала Млада.

Гостята тут же подал бересту. Ратмир усмехнулся без веселья: на войне он ругал писаря за то, что тот тратит ножи на дощечки, а не на заточку стрел. Теперь написал коротко: «Дарёна. Мать. Смеялась, прикрывая рот ладонью?» Знак вопроса поставил сам. Он уже не был уверен, что это правда.

Под разорванным рукавом виднелся маленький домик, выбитый на запястье ещё до первой службы. Ратмир машинально прикрыл его пальцами. Пока он помнил ту зимовку, у него оставалось место, куда хотелось однажды вернуться.

Рожан наблюдал за ним с добрым недоумением.

— Записывай и своих, — сказал старик. — Я когда-то полагал, что всё удержу в голове. Видишь, чем кончилось.

К поясу Рожана был привязан шнурок с деревянными кругляшами. На каждом ножом вырезано имя. Некоторые стёрлись от времени, некоторые потемнели от крови. Самый первый был пустым.

— А это кто? — спросил Тихон.

— Не знаю, — ответил Рожан. — Если вспомню, сразу скажу.

Юноша отвёл глаза. Вчера он едва не попросил командира позволить ему превратиться первым. После увиденного в крепости он уже не был уверен, что хотел этого.

Невзор вернулся из разведки с плохими вестями. У речной переправы стояли пятнадцать княжеских всадников, у дороги развесили лоскуты с изображением сокола. Села предупредили: за укрытие волчьих — смерть. За каждого пойманного — десять серебряных гривен.

— За меня хотя бы пятнадцать, — обиделся Берест. — Я широкий.

— За живого десять, — уточнил Невзор. — За мёртвого пять.

— Вот скоты. Экономят.

Гостята на краю привала аккуратно складывал в футляр полоски бересты. Его пальцы дрожали, но он продолжал считать. Весь список павших в княжеском тереме был у него с собой, только теперь многие имена он помечал вопросом: никто не видел, кто именно умер, а кому удалось сбежать через другие двери.

Ратмир присел к нему.

— Не называй мёртвыми тех, чьих тел не видел.

— Тогда кто они?

— Пока — потерянные.

Гостята провёл ногтем по бересте, словно искал ровное место.

— Мы воевали за него, воевода. Когда другие отступали, он обещал, что мы будем равны свободным людям. Что перестанут ставить нам отдельные чаши. А вчера нас посадили отдельно именно затем, чтобы легче было отравить.

Ратмир молчал. Двадцать лет он видел, как вслед за войсками Всевлада возвращались купцы, исчезали заставы самозваных сборщиков пошлин, а крестьянских детей переставали забирать за долги. В тех землях, где прежде брали пошлину за каждый шаг, по дороге можно было довезти хлеб до соседнего села. В это он верил. И потому слишком долго отворачивался от того, какой ценой Всевлад добивался побед.

Просто для мира, который строил Всевлад, оказалось

ненужным и их существование.

— Мы вернёмся? — спросил Гостята.

— Да.

— Куда?

Ратмир посмотрел на далёкие стены Белояра, едва заметные между стволами.

— Сначала выясним, где кончается его власть.

На завтрак у них оставалось два сухаря и горсть кислой рябины. Ждан разделил сухари на девять частей с такой сосредоточенностью, будто резал княжескую казну. Берест свою долю проглотил, не заметив, и стал подозрительно коситься на чужие руки. Ольша вручила ему ягоды прямо с веткой.

— Ешь вместе с листьями, — сказала она. — Может, умнее станешь.

К полудню Невзор обнаружил свежие зарубки на деревьях и обронённый ремень со знаком сокола. Ловчие обошли дорожную заставу и вышли на углежожью тропу. Следопыт понюхал низкую ветку и выругался.

— Не по дороге идут. По нашему следу.

— Собаки? — спросила Ольша.

— Нет. Люди. Но среди них один с кровью.

Ратмир поднял глаза.

— Волчий?

Невзор медленно кивнул.

Одних копий князю оказалось мало. Следом пошёл тот,

кто мог чуять волчью кровь даже через болотную воду.

И, что хуже всего, волчий охотник должен был знать их запахи по именам.

* * *

Услышав с дальнего берега протяжный вой, они отказались от прямой дороги. Невзор повёл стаю через болотистую низину. Под жёлтой травой скрывались ямы с холодной водой; конь провалился бы здесь с головой. Но преследователю не требовался конь.

— Кто это? — спросила Млада.

— Знаю четверых, способных вести так, — ответил Невзор. — Трое лежат в земле.

— Четвёртый?

— Угощал меня летом щукой. Я тогда пожаловался, что слишком много костей.

Млада помрачнела.

— Стрыга.

— Он самый.

Стрыга, прозванный так за узкую улыбку и привычку резать волосы собственным ножом, командовал княжескими ловчими. Он не принадлежал к их дружине, но прошёл обряд волчьей крови пятнадцать лет назад. Ратмир однажды спас ему жизнь под Овражным городом. Потом Стрыга спас Ратмиру. Они никогда не называли это долгом. Между волчьими такие вещи не считали.

У самой трясины Берест споткнулся и выругался так вы-

разительно, что с ближнего дерева сорвалось вороньё. Ждан остановил его, проверил пульс, после чего вынес решение:

— Тебя нельзя подпускать к выпивке до весны.

— А после весны?

— После посмотрим, стоишь ли ты чего-нибудь без неё.

Чтобы перехитрить Стрыгу, Невзор предложил пройти по воде вдоль ручья, затем взобраться на каменистый холм и разбить след на три части. Млада не согласилась.

— Он знает нас слишком хорошо. Если разделимся, соберёт каждого по одному.

— Тогда оставим ему дорогу, по которой удобно идти.

Ольша достала тонкую рыбацкую леску. За час на сухой тропе приготовили три западни: прикрыли хворостом старую углежожью яму, подвесили бревно на верёвочной петле и вымазали жиром несколько плоских камней.

— Стрыга их увидит, — сказал Ратмир.

— Конечно, — ответила Ольша. — Он станет искать четвёртую.

Они спрятались на склоне, где деревья росли редко, а сырой ветер нёс запахи от тропы. Невзор лёг рядом с Ратмиром.

— Слышишь?

Вначале Ратмир слышал только колебание листвы. Потом — слабое звяканье металла, один шаг по камню, тишину. Погоня подошла осторожно.

Впереди шёл человек в сером плаще, без шлема, с коротким мечом у бедра. Стрыга. За ним — шестеро ловчих с

копьями, ещё двое тащили сеть, пропитанную чем-то резко пахнущим.

Стрыга остановился у первой западни, улыбнулся уголком рта и обошёл её. Вторую нашёл тоже. На третьей замер, разглядывая смазанные жиром камни.

— Выходи, Сивый, — сказал он негромко. — Хватит упражняться. Я бы и без того пришёл поговорить.

Ратмир поднялся, держа топор наготове.

— Прислал князь?

— Князь прислал тех, кого ты обманул своими песнями о верности.

— Я вчера видел, как он убивал моих людей.

Стрыга пожал плечами.

— А я видел, как твои люди разорвали полторы сотни пленных на Сухой речке. Война сделала каждого из нас чем-то таким, что мирным людям не по дороге.

— Пленных приказали отдать княжеской страже.

— Приказали. А кто не подчинился?

Речь шла о северной сотне, когда-то стоявшей на одном фланге с их дружиной. После слишком многих обращений волчьи перестали узнавать детей, а затем сотня исчезла из рапортов. Ратмир слышал об их гибели, но так и не увидел ни списка погибших, ни приказа о казни.

— Если пришёл казнить, попробуй.

Стрыга улыбнулся шире.

— Пришёл предложить тебе то, чего остальные не полу-

чат. Сдай молодого. Тихона. Всевлад обещал оставить восемь жизней в обмен на одного мальчишку.

Млада подняла лук. От волнения Тихон так крепко сжал рукоять меча, что побелели суставы.

— Почему его? — спросил Ратмир.

Стрыга помолчал. Впервые на его лице промелькнуло что-то похожее на осторожность.

— Потому что он ещё ни разу не обращался.

— Таких полно.

— Уже нет.

Слово повисло между ними. В лесу снова стало слышно, как падают капли с листьев.

Стрыга выпрямился.

— Ты не понимаешь, Сивый. Князь не собирается убивать всех волчьих. Ему нужны некоторые из нас. Только не такие, как мы с тобой.

Один из ловчих едва заметно подал знак остальным. В этот момент Ждан, которого все считали слишком мягким для боевого отряда, метнул из-за коряги камень в натянутую Ольшей петлю. Бревно сорвалось по склону и ударило в заднюю пару. Сеть выпала из рук.

Всё произошло слишком быстро для разговоров.

Ратмир прыгнул вниз. Стрыга парировал удар, как когда-то на тренировочном дворе. Движения были знакомы до боли: шаг вправо, поворот кисти, короткий выпад. Они сражались несколько мгновений, словно возвращаясь в старые

дни, когда делили не врагов, а общую усталость.

— Не отдавай мальчишку! — неожиданно прошипел Стрыга.

Ратмир замешкался.

Стрыга воспользовался этим, ударил его рукоятью по челюсти и отступил к своим.

— Бегите, — сказал он почти беззвучно. — Сейчас.

Со стороны болота ударил рог. Второй ответил издалека. В лес входили новые отряды, гораздо многочисленнее этого.

— Я должен привести тебя живым, — громко произнёс Стрыга, чтобы слышали остальные. — Но если умрёшь, мне будет проще.

Ратмир отступил к склону, не сводя глаз с человека, который только что предупредил его о засаде.

Он не мог решить, предал их Стрыга или спас.

Невзор смотрел на деревья за спиной Стрыги. Тот слишком старательно удерживал разговор на одном месте.

Рог ударил ещё раз — ближе, за осокой. На болоте отозвались вороны. Один из ловчих Стрыги оглянулся и прижал шпоры к бокам коня. За его спиной по восточной кромке топи раздвинулись камыши: шли основные силы, пока девятеро перед стаей держали её на месте.

— Невзор, — сказал он так тихо, что услышал только разведчик. — Сколько выходов?

— Один сухой. Остальные по колено, а где и по шею.

— Значит, идём по мокрому.

Невзор скривился. Сытый командир на карте мог отправить отряд хоть через середину моря. На деле у них были отравленный Берест, старик Рожан и Гостята, который не умел плавать даже в собственной рубахе. Но времени для другого решения не осталось.

Млада первой прыгнула со склона. Не к дороге, как ожидали ловчие, а в подлесок за их правым крылом. Стрела пробила ворот самому рослому из врагов. Он захрипел, ухватился за шею и упал в то место, где Ольша спрятала яму. Земля раскрылась под ним. Двое товарищей ринулись помогать, перекрыв проход остальным.

Ратмир не стал добивать лежащего. Он ударил по древку копья, которое выставили перед ним, перехватил разломанное дерево и толкнул им всадника в грудь. Человек упал на спину; конь, потеряв всадника, понёс к топкому лугу. С сухой дороги уже неслись новые люди.

— Не убивайте мальчишку! — крикнул кто-то из них. — Остальных можно!

Тихон услышал и замер всего на один удар сердца. Этого хватило: со стороны ольшаника вылетела сеть. Её края были утыканы тонкими медными крючьями. Она села ему на плечи, как огромная мокрая птица, и сразу стянулась. От меди повеяло чужой печью, палёными волосами и чем-то настолько знакомым, что юноша едва не произнёс имя, которого не знал.

Невзор врезался в метателя плечом. Оба покатились в во-

ду. Тихон упал на колено, пытаясь выдернуть крючья, но каждый рывок затягивал петлю теснее. К нему подбежал ещё один ловчий, без шлема, с верёвочной удавкой на обеих руках.

— Живым, — выдохнул тот. — Ты нужен живым.

Ольша появилась снизу, из зарослей осоки, и полоснула ножом по верёвке. Удавка разошлась. Вторым движением она подсекла врагу колено. Тихон успел вытащить короткий меч и ударить противника плашмя в висок. Тот рухнул, но остался дышать.

— Не добил? — спросила Ольша.

— Он уже лежал.

— В следующий раз сначала проверь, жив ли ты сам. А потом решай, кому дарить милосердие.

Она достала нож для потрошения рыбы и быстро разрезала сеть поперёк. Когда медь упала с плеч Тихона, воздух будто сделался легче. Юноша хотел подобрать один крючок, но Ольша ударила его по руке.

— Пусть лежит. Медная дрянь помнит, к чему прикасалась.

Берест шёл последним. Он почти волочил Рожана на себе, хотя час назад не мог ровно поднять чашку. На каждом шагу его лицо белело сильнее. Рожан что-то говорил ему прямо в ухо, и лишь подойдя ближе, Ратмир разобрал слова.

— Левее, Берест. Там кочка не держит. Левее. А теперь прыгай.

— Ты же всё забыл, дед, — прохрипел Берест.

— А болота не забыл. Они никогда не меняются. Только люди.

Берест перепрыгнул чёрную промоину и вместе со стариком рухнул на гнилой настил старой углежогской тропы. Доска проломилась, но выдержала ровно столько, чтобы оба выбрались. Позади к болотцу выскочили новые преследователи. Капитан в красном плаще велел стрелять по ногам.

Млада выстрелила в капитана с красным плащом. Стрела ударила в луку седла; конь шарахнулся, хозяин соскользнул боком и рухнул в воду. Ближние всадники осадили лошадей, чтобы не затоптать его. Ратмир приказал уходить.

Равновесие нарушилось, когда Гостята оступился на мокром камне. Он не крикнул, только исчез до плеч в чёрной воде. Ратмир схватил его за ворот; ткань лопнула, пальцы соскользнули. Вторая рука ухватила писаря за волосы. Гостята вынырнул, отплёвываясь, и попытался поднять над головой берестяной футляр.

— Не потерять! — захлебнулся он. — Там имена!

— Там и ты, дурень! — рявкнул Ратмир. — Дыши!

Ждан бросил верёвку. Невзор потянул с другого конца. Втроём они выволокли Гостяту на кочку, покрытую прошлогодней травой. Писарь сидел, дрожал и проверял не собственные пальцы, а промокшие дощечки. Млада не стала его ругать. Сняла плащ, завернула записи и положила себе за пазуху.

— Теперь могу утонуть вместе с ними, — сказала она.

— Я предпочёл бы не проверять, — ответил Ждан.

За спиной раздался короткий вой. Он пришёл не от человека и не от собаки. На миг Ратмир ощутил в груди знакомый толчок: другая волчья кровь звала его по старому походному обычаю, требуя ответить. Стрыга предупреждал своих? Или пытался отозвать погоню? Ратмир не откликнулся. Он опасался, что вместе с голосом отдаст преследователю направление.

Ночь настигла их на северной кромке топи. Невзор нашёл заброшенную лодку, перевёрнутую днищем вверх. Под ней поместились Рожан и Берест; остальные сидели под дождём. За водой свистели ловчие, трещал ломаемый тростник. Иногда вспыхивал факел. Один раз кто-то протяжно выкрикнул имя Тихона. Юноша вздрогнул, но не поднялся.

Ольша вынула из кошеля медный крючок. Всё-таки прихватила один, пока освобождала его из сети. На основании было вырезано девять точек и маленькая пустая окружность.

— Такие не делают для простой охоты, — сказала она. — Кузнецу за этот крючок заплатили бы как за половину коня.

— Значит, нас считают дорогими, — проворчал Берест из-под лодки.

— Тебя бы взяли разве что вместе с конём. Чтоб кто-нибудь терпел твоё ворчание, — ответила Млада.

Ратмир не улыбнулся. Он внимательно осмотрел крючок, не касаясь меди голой рукой. Девять отметин напоминали

узор, который он видел во времена первой присяги волчьей дружины. Тогда старый жрец велел всем держать ладони на камне и повторять слова, смысл которых никто не объяснил. Было ли там десятое место? Ратмир не помнил. Возможно, никогда и не знал.

Перед рассветом Стрыга снова завыл — гораздо дальше, на юге. Ловчие двинулись к нему, и Ратмир наконец позволил людям подняться. На востоке, за сырыми полями, поднимался дым из деревенских печей. Несколько домов, овины, две печные трубы и узкая дорога к лесу. Невзор сказал, что деревню зовут Дымовкой.

Ратмир пересчитал товарищей: девять. Рожан дышал тяжело, Берест едва держался на ногах, но все ещё шли сами. Пока этого хватало.

Глава третья. Дымовка

От камышового берега, где девятеро переждали ночь, до крайних огородов Дымовки оказалось меньше версты. Ратмир оставил Невзора на опушке следить за дорогой, а остальных повёл к избам. Дымовка и в лучшие годы не богатела; теперь утренняя улица пустовала, даже у колодца никто не стоял. Из трубы старостиного дома шёл редкий дым, крыши пригибались к земле, амбары стояли пустыми с самой весны. У околицы висела связка ржавых подков: местные верили, что железо отгоняет лесных духов. В тот год железо, похоже, было занято другими делами.

Ратмир хотел обойти деревню. Берест возразил так громко, что пришлось снова заставлять его молчать. После яда ему требовались тёплая пища и чистая вода; Рожан ещё хуже держался на ногах. Они могли протянуть день, может быть два. Но после этого кто-нибудь начал бы падать, а падение одного означало задержку всех.

— Здесь Авдотья старостихой, — сказала Ольша. — Соль от сборщиков прятала в овине. Может, и нас туда пустит.

— И ты помогала? — спросил Тихон.

— Нет, я и была сборщиком. А потом уволилась.

Невзор догнал их у крайней избы: на дороге погони пока не было. Луки и мечи спрятали под плащами, топор Ратмир завернул в мешковину.

Старостиха Авдотья встретила Ольшу на крыльце с тяжелой деревянной ложкой.

— Я говорила, что если снова придёшь за солью, получишь по лбу.

— Не за солью, — ответила Ольша. — Нам бы воды, крыши до вечера и человека, который не задаёт вопросов.

— За таким человеком надо идти на кладбище.

Авдотья провела взглядом по гостям. Заметила вцепившегося в пояс Береста, бледность Рожана, прорезавшийся у Ратмира клык, который ещё не вернулся на место после ночного обращения. Лицо её переменилось.

— Волчьи.

Невзор сразу положил ладонь на рукоять ножа. Авдотья посмотрела на его руку с усталым неодобрением.

— Будешь меня убивать, так хоть сапоги сперва вытри. Полы только намыла.

Они спрятались в овине, куда в конце осени свозили снопы. Авдотья принесла крупу, чеснок, два круга твёрдого сыра, а потом притащила вязанку поленьев. Берест хотел помочь, но едва поднялся, как зашатался.

— Сядь, гора несчастная, — приказала хозяйка. — От тебя пользы как от больной лошади.

— Лошади бывают полезны даже больные.

— Лошадей можно съесть.

— Теперь и разговаривать не хочется, — сказал Берест.

Пока Ждан варил похлёбку, в овин вошла девочка лет

одиннадцати. На ней был слишком большой овчинный тулуп, а в руках — сломанная деревянная лошадка.

— Это правда? — спросила она. — Вы превращаетесь в волков?

— Не во время ужина, — ответила Млада.

— Бабка говорит, у вас вместо сердец угли.

— Твоя бабка иногда преувеличивает, — сказала Ольша.

— А ты можешь стать волком прямо сейчас? — девочка повернулась к Тихону.

Он хотел сказать, что может. Что он воин, избранный кровью, и ничего не боится. Но вспомнил страх в княжьем тереме и покраснел.

— Не хочу, — ответил он.

Девочка посмотрела на него с разочарованием.

— Значит, ты ненастоящий.

Она ушла. Тихон долго вертел в руках ложку, прежде чем снова взяться за похлёбку.

После полудня к Дымовке подъехали княжеские сборщики. Их было четверо, на лошадях, все с соколами на плечевых пряжках. Они несли дощечку с новыми постановлениями: сдавать беглых волчьих, сообщать о незнакомых путниках, не отпускать молодых мужчин из деревни без позволения старосты.

Авдотья прочла дощечку молча. Один из всадников, ещё совсем молодой, заметил, что на дворе недавно топили печь.

— Кто у вас ночует?

— Покойный муж иногда является, — сказала старостиха. — Хочешь сам с ним поговорить?

— Не шути, бабка. Проверим дома.

Из овина всё было слышно. Ратмир прижал палец к губам. Если они выйдут, погибнет деревня. Если останутся — всадники могли найти Рожана, который уже не мог ни бежать, ни драться.

Авдотья вдруг громко уронила ведро. Вода хлынула на сапоги ближайшему сборщику.

— Ах ты старая! — вскрикнул он.

— Прошу прощения, господин. Руки не те, старость. Да и муж покойный всю ночь дверь скрипел, не выспалась.

Она повела сборщиков к погребу, а не к овину. Те пошли: в погребах искали не только беглецов, но и спрятанные запасы зерна. Один остался у ворот и трижды проверил засов на двери, за которой скрывалась стая.

Всадник у ворот был не старше Тихона. Он сидел в седле с прямой спиной, но всё время поглядывал не на овин, а на дом с узким окном. За стеклом мелькала детская коса. По таким взглядам Ратмир прежде узнавал, какую деревню очередной наборщик считал своей: человек мог стоять под княжьим знаком и всё равно бояться, что его узнают односельчане.

— Я видел следы, — сказал молодой сборщик. — Девять человек прошли по огороду. От старой ивы до овина.

Внутри ни один из волчьих не пошевелился. Слово «де-

вять» прозвучало слишком точно. Невзор медленно вынул нож. Ждан придержал его за кисть: если стражник полезет сюда, люди погибнут без всякой пользы; если удастся отвести, у всех ещё останется выбор.

Ратмир подвёл Тихона к щели в стене. Снаружи было видно конскую морду, мокрый ремень, рукав молодого воина и край деревенского колодца.

— Смотри, — шепнул он. — Когда человек хочет войти, сначала выбирает, чем закрыть себе путь назад. Этот стоит так, чтобы первым отскочить к воротам. Он не уверен, что нас видел.

— А если уверен?

— Тем более нельзя давать ему доказательство.

У колодца Авдотья спорила с двумя старшими сборщиками. Третий уже переворачивал в погребе глиняные кадки. Один крикнул, что нашёл лишнюю крупу, и принялся пересчитывать по горсти. Молодой всадник спешился, откинул полу тулупа и сделал шаг к овину. Он положил ладонь на дверной засов.

Ольша, стоявшая у противоположной стены, запустила в щель через соломенную крышу маленький камень. Тот упал в корыто за свинарником. Хрюкнули свиньи, загрохотала пустая бадья. Стражник обернулся. В тот же миг девочка с деревянной лошадкой выскочила из дома, понеслась к свинарнику и начала отчитывать поросёнка, словно тот нарочно перепугал её любимую игрушку.

— Ты почему одна? — спросил воин.

— А с кем мне быть? С твоими ворами?

Он удивился, потом посмотрел в сторону погреба, откуда доносилась ругань Авдотьи.

— Следы кто оставил?

— Дядьки, — сказала девочка.

Ратмир услышал, как Берест стиснул зубы. Одно неосторожное слово ребёнка могло выдать их всех.

— Какие дядьки?

— Которые за налогами приезжали весной. Они кабана унесли. Мы после них и следы оставили, когда искали.

Девочка врала легко и зло, как умеют только дети, которых слишком часто обманывали взрослые. Молодой сборщик поднял взгляд на овин, но не открыл засов. Вместо этого спросил, откуда у неё такая лошадь.

— Папка вырезал. До того, как в войско забрали.

— Как его звали?

Она назвала имя. Сборщик побледнел. Ратмир увидел: имя было знакомым. Вероятно, этот человек когда-то принёс в Дымовку приказ о наборе, а теперь носил тот же сокол на груди. Он хотел что-то сказать девочке, но промолчал.

Из погреба вышел старший, волоча мешок зерна. Увидел молодого у овина и рявкнул:

— Ты чего застыл? Дверь проверяй!

Стражник резко сорвал засов. Дверь распахнулась на ладонь — ровно настолько, чтобы в темноте мелькнула солома

и старый плуг. Ольша прежде натянула между двумя столбами облезлую циновку, оставив за ней узкий проход. Если бы воин переступил порог, он увидел бы сразу девятерых. Но молодой лишь втянул носом воздух.

— Тут гниль, — сказал он. — И мыши.

Берест чуть слышно фыркнул. Ждан прижал к его лицу ладонь.

— Тогда забей дверь, чтоб не разворовали, — приказал старший. — И пошли. Мы тут не няньки.

Молодой сборщик задвинул засов. Перед уходом он поставил у стены деревянную лошадку, которую девочка обронила, и осторожно поправил ей сломанную шею. Девочка даже не посмотрела на него. Дождалась, пока все четверо выехали со двора, и лишь тогда забрала игрушку.

Из овина слышалось, как на дороге звенят подковы. Ратмир не торопился распрямляться. Подобные обыски часто делали в два захода: сначала выводили хозяев из равновесия, потом возвращались, пока хозяева ещё не успевали спрятать то, что выдали первым обыском. Он приказал ждать до тех пор, пока вороны снова не спустятся к навозной куче. Птицы доверяли дороге меньше, чем люди.

Авдотья вошла, когда вороны успели сцепиться из-за обрывка кожи. Она держала в руке не ложку, а топор для колки лучины.

— Сколько раз за сегодня вы собирались броситься наружу? — спросила она.

— По меньшей мере три, — признался Берест.

— И правильно сделали, что не бросились. Мои дети не обязаны умирать ради вашей храбрости.

Тихон поднялся.

— Девочка нас спасла.

— Девочка спасла свой дом. И надеюсь, так будет всегда. Когда вырастет, пусть сама решит, кого ей спасать ещё.

Она поставила перед ними кувшин воды. На его дне лежала маленькая щепка, вырезанная в форме сокола. Сборщики оставили её у ворот. С такого деревянного знака в округе начинали перепись домов, которые надлежало проверить повторно.

— Теперь они вернутся, — сказала Ольша.

— Не сегодня, — ответила Авдотья. — А завтра я им скажу, что у меня была свадьба. Девять гостей. Ни одного жениха. Пусть попробуют записать такую беду.

Ратмир посмотрел на щепку. На обороте уже была вырезана зарубка: дом Авдотьи поставили на повторную проверку. Он перевернул щепку отметкой вниз.

Тихон подался вперёд. Млада удержала его за ворот.

— Если нападут на неё, мы не можем... — прошептал он.

— Можем, — ответила Млада. — Вопрос только, что будет потом.

Ратмир вспомнил, как молодой сборщик держал ладонь на засове. Тогда хватило бы одного прыжка, чтобы убить его, но девочка и Авдотья наверняка расплатились бы за такую

победу.

К вечеру выяснилось, что сборщики увезли мешок зерна, объявленный «задолженностью княжескому миру». Авдотья пересчитала остаток и ничего не сказала. Два её младших сына уже спали на печи; делить хлеб предстояло утром.

Вечером она вошла в овин.

— Уходите до рассвета. Я-то вас не выдам. Но завтра придут к соседям, которые даже лиц ваших не видели. И с них спросят за вас.

Ратмир дал ей серебряную пряжку с княжьим знаком. Она рассмотрела подарок и положила обратно на мешок.

— Купишь зерна, когда сможешь, — сказал он. — За тот мешок, что они унесли.

— С княжьей пряжкой меня прежде покупки спросят, кого я укрывала. Забери.

Ольша обняла её на прощание. Авдотья позволила это, но всего на мгновение.

Ольша задержалась у двери овина. Авдотья в молодости прятала не только соль: однажды укрыла её саму, оборванную девчонку с чужим ножом за поясом. Тогда старостиха потребовала вместо платы починить крышу. Ольша хотела сказать об этом теперь, но у Авдотьи не было времени ни для благодарностей, ни для старых историй. Она уже заколачивала щель над дверью, через которую стражник мог заметить следы девяти ночных гостей.

Ольша без слов забрала у неё молоток и приколотила по-

следнюю доску. Ударила слишком сильно; Авдотья поморщилась от грохота. Потом они вместе затёрли свежую стружку грязью, чтобы ремонт выглядел старым. Так у хозяйки оставался ответ, если сборщики начнут спрашивать, почему из овина пахнет дымом и людьми. Уходя, Ольша больше не обещала вернуться и расправиться с обидчиками. Обещания подобного рода прежде всего губили тех, кому их давали.

Уже у леса Тихон оглянулся на дымовые столбы над деревней.

— Мы ведь никого не обидели, — сказал он.

Ратмир не ответил сразу.

— Для власти этого иногда достаточно. Ей не обязательно ждать, пока ты кого-нибудь обидишь.

Он вспомнил детей, оставшихся в Дымовке. В лесу уже намокли верёвки на их ловушках, а за спиной шли княжьи люди. Вернуться к Всевладу, не подставив под удар ни одной деревни, становилось почти невозможно.

* * *

В первое утро после кровавого пира, пока беглецы ещё пробирались к лесу, Всевлада в Белояре подняли до рассвета. Он терпеть не мог таких побудок. Он считал, что правитель, которого каждое утро будят беды, плохо устроил собственную державу. Но после пира ему не удалось поспать даже три часа.

На каменном полу малого зала лежали две стопки дощечек. На одной записали имена убитых волчьих, на другой —

тех, кто всё ещё считался живым. Вторая стопка оказалась выше первой.

— Сколько ушло? — спросил князь.

— Из Белояра девять, — сказал боярин Миронег. — Из других городов пока нет всех вестей. В Озёрном десяток прорвался через ворота. В Ветлугине сожгли псарню, вместе с караулом. У северных стай есть укрытия в горах.

— Значит, приказ исполнили плохо.

Миронег поклонился так глубоко, что его седая борода коснулась груди.

— Волчьи сильны, государь. Люди боятся идти против них.

— Я двадцать лет учил людей идти за ними. Разумеется, боятся.

Всевлад сдвинул деревянную фигурку сокола на карте. Шесть княжеств были отмечены такими фигурками, три — пустыми кружками. Мир он завоевал, но ещё не убедил в его существовании.

— Приведи Стрыгу.

— Он на следу Ратмира.

— Когда вернётся, тогда приведи.

Боярин ушёл. Асава осталась у окна, перебирая чётки из светлого камня. При дворе её величали целительницей; Всевлад не мог припомнить ни одного случая, когда она лечила бы обычную лихорадку. Зато о болезнях памяти говорила охотно.

— Девять, — произнесла она. — Ты должен был взять их всех.

— Я отдал приказ. Люди его исполняют.

— Люди часто путают приказ с желанием того, кто его отдал.

Всевлад обернулся.

— Не тебе говорить о людях.

Асава чуть улыбнулась, не обнажив зубов. В её возрасте это было особенно неприятно: нельзя было понять, молода она или стара настолько, что время забыло дорогу к её лицу.

— Тебе нужен тот, кто не обращался, — сказала она. — Другие уже отданы.

— Я помню условия.

— А вот они — нет. Разве это не удобно?

Князь подошёл к окну. Ниже, во дворе, стражники смывали с камня тёмные пятна. С утра по приказу сожгли одеяла, под которыми умерли отравленные. Женщины с корзинами золы работали молча. Всевлад узнал одну из них: её сын погиб под Сухой речкой, где волчья сотня перестала различать своих и чужих.

Со двора поднялся пар. Вода стекала по плитам, но её поток уводили к дальнему рву, где белые служители поставили медную решётку. Сначала Всевлад решил, что так удобнее очищать стоки. Потом увидел у решётки человека с маленькими дощечками. Тот отмечал не число погибших. Он записывал имена тех, чья кровь попадала в желоб.

— Сколько ваших писцов было в тереме вчера? — спросил князь.

— Моих? — Асава не повернула головы.

— Не делай вид, будто не поняла.

Она взяла с подоконника тонкую пластину. На меди были выгравированы девять окружностей и маленькое пустое место между ними. Всевлад видел этот знак прежде, в разбитой часовне на поле у Сухой речки. Тогда ему говорили, что знак обозначает древний способ счёта. Через год он нашёл такой же на запястье пленного мальчика. Мальчик не помнил, кто выжег ему отметину.

— Твой приказ исполнили при помощи людей, которые умеют считать, — ответила Асава. — Сам ты хотел только исхода.

— Я хотел прекратить гибель своих подданных.

— И поручил это тем, кто согласился за них отвечать.

Всевлад вспомнил донесение с востока. В одном селении жители клялись, что соседней деревни никогда не существовало, хотя на карте оставались её дворы и дорога. На месте сгоревших изб уже пахали. Князь велел списать донесение на пьянство сборщика пошлин. Неделю спустя его нашли повешенным в конюшне; верёвку никто не осмотрел.

— Записи из Сухой речки, — сказал он. — Где они?

— Сохранены.

— Я требую увидеть их целиком.

— Ты требуешь, как князь. А давал согласие, как человек,

которому был нужен мир.

Всевлад подошёл ближе. Асава не испугалась. В этой женщине не было ни той преданности, за которую покупают слуг, ни того страха, которым держат советников. Она вела себя так, словно князь лишь временно владел домом, в который его пригласили.

— Вчера я отдал приказ убить воинов, которым присягал, — произнёс он. — Если из этого следует ещё что-то, скажи сейчас.

Асава посмотрела на двор, где воду смешивали с пеплом.

— Следует только то, что ты уже не сможешь отнять назад своё решение.

Она спрятала пластину. Всевлад заметил вмятину от её ногтя на месте пустого круга. Он уже выслал бы Асаву, если бы не печати под дворцом: после первого опыта только она умела удерживать воду в нижних чашах. Князь велел удвоить караул у мастерской. Приказ об её аресте так и не написал.

В его памяти вновь поднялось другое поле, та зима, с которой всё началось.

Он помнил поле. Помнил тела пленных, своих знаменосцев, повара, который вёз за обозом муку и случайно оказался на дороге к стае. На последней телеге нашли младенца с переломанной рукой. Мальчик выжил. Ни один из волчьих не смог рассказать, кто велел устроить расправу. Большинство потом даже не помнили, что участвовали в ней.

Всевлад велел замолчать об этом. И оттого вина стала его собственной.

— Я не хочу другой Сухой речки, — сказал он.

— Тогда тебе придётся открыть дверь, — ответила Асава.

— Ты говорила, её можно закрыть навсегда.

— Можно. Если кровь войдёт туда прежде, чем память проснётся.

Всевлад не доверял волхвам: недоговорённость они считали такой же законной монетой, как князья — печать. Но Асава однажды назвала лица его погибших братьев, пересказала скрытые военные приказы и описала деревце, нарисованное на обороте его детской дощечки. Последнее знали только двое. Второй был давно мёртв.

— Что, если мальчишка погибнет? — спросил князь.

— Тогда, — сказала Асава, — у тебя останется мир без завтрашнего дня.

В зал вошёл подросток в чистой одежде, неся кувшин воды. Это был сын конюха, служившего ещё отцу Всевлада. Мальчик быстро поклонился и поставил кувшин на стол.

Князь остановил его у двери.

— Ты видел вчера праздник?

— Нет, государь. Нас не пускали.

— И правильно. Нечего детям смотреть, как взрослые портят собственную победу.

Мальчик ушёл. Всевлад долго смотрел вслед.

Он мечтал о державе, где дети не знали бы военных рогов.

Ради неё он убивал людей, которых считал братьями. Странная арифметика. Когда-то она казалась ему простой.

— Ратмира я хочу видеть живым, — произнёс князь.

Асава подняла бровь.

— Зачем? Его кровь уже израсходована.

— Он мне поверит, если я скажу правду.

— Не поверит.

— Тогда хотя бы выслушает.

— Ты говоришь так, будто собираешься просить у него прощения.

— Я собираюсь сохранить землю.

Всевлад сел за стол и начал писать новое послание. В нём он отменял приказ стрелять в Ратмира на месте и требовал доставить его живым. Но приказ касался только одного человека. Остальных можно было связать, запереть, убить — если они мешали.

Поставив печать, Всевлад посмотрел на сокола, растопырившего крылья над воском.

Он не был уверен, что ещё имеет право называться Миротворцем.

Глава четвёртая. Медвежья переправа

Из Дымовки они вышли малыми группами: сперва разведчики, потом раненые с прикрытием, последними Ратмир и Млада. Между группами оставляли по сотне шагов. На поворотах разведчики ждали, пока покажутся следующие, и лишь тогда двигались дальше. К Медвежьей добрались, обогнув два княжеских поста. Река текла между серыми берегами и подмывала корни старых ив. До зимы её можно было перейти только по мосту у городка Залужья. Весной там утонули три воза, и с тех пор люди говорили, что вода взяла долг с купцов и успокоилась.

На переправе стоял княжеский гарнизон. Его комендант, по словам Невзора, носил зелёный плащ и боялся лошадей. В такое трудно было поверить, но Ратмир знал немало командиров, которые боялись вещей гораздо менее опасных, чем лошади.

Они наблюдали за мостом с сухого холма, скрытого ельником. За деревянным настилом виднелся большой амбар и десяток навесов. В нижнем дворе, у воды, держали задержанных: двух купцов, девушку с ребёнком и старика на верёвке. Всех заставили стоять под дождём, хотя свободные сараи были в трёх шагах.

— Стража проверяет каждого, — сказала Ольша. — Пройдём ночью по воде.

— Ниже две промоины, — возразил Невзор. — У левого берега ещё пройдём. На середине течение утащит любого.

— Особенно Береста. Его вода не любит.

— Это взаимно, — буркнул тот.

Млада смотрела на девушку с ребёнком. На её руке заметила красный лоскут, которым жители северных сёл перевязывали запястье после смерти близкого. А потом увидела, как стражник толкнул её на землю за отказ развязать узел с пожитками.

— Не оставим, — сказала Млада.

Ратмир помолчал. Каждый лишний час увеличивал вероятность встречи с погоней. За селом уже разъезжали ловчие, а Стрыга мог появиться в любой момент.

— Мы не можем забрать всех, — сказал он.

— Я не про всех. Про эту.

— Чем она лучше других?

Млада не нашла ответа.

Ратмир велел Ольше выяснить, кто сидит у костра, а Невзору посчитать стражу. У старой изгороди, за телегой с навозом, они нашли конюха, которому было поручено поить гарнизонных лошадей. Ольша поговорила с ним минуту, оставив в ладони серебряный обрубок без знака князя.

— Лошади у него в западном загоне. Из седельной калитки дозор не видно, — сообщила Ольша. — Стоит выпустить

табун, половина стражи побежит ловить.

— Хорошо, — сказал Ратмир. — Значит, украдём.

План придумали простой. Невзор и Ольша отпирают коновязь, Ждан с Гостятой отвлекают караульных у нижнего двора, Млада выводит пленников через кладовую. Остальные держат обратную сторону моста. Если всё пойдёт плохо, ни один волчий не обращается без приказа.

Берест открыл рот, чтобы возразить, но Ратмир посмотрел на него.

— Ты ещё и похмелье не пережил.

— Я не пьяный. Я отравленный.

— Тем более не позорь стаю.

Дождь усилился к сумеркам. Его шум скрывал шаги по мокрым доскам. Коновязь распахнулась не сразу: замок заело, и Невзор едва не сломал нож. Зато когда первые лошади сорвались с места, за ними рванули остальные. Пятнадцать тяжёлых тел пронеслись через двор, затоптали у костра котелок, опрокинули лестницу и заставили коменданта, зелёный плащ которого был виден даже в темноте, кричать так, будто началась осада.

— Держи лошадей! — вопил он.

— Каких? — спросил из темноты Берест. — Тут каждая при своём мнении!

Из башенки выскочил десятник в кольчуге. Заметил Младу у кладовой и велел опустить решётку перед мостом. Ратмир кинулся к вороту; Берест успел подсунуть под железо

обломок бруса. Решётка остановилась на высоте плеча. Двое солдат навалились на рычаг, пытаясь дожать её. Невзор сбил одного на настил, а второго оглушил рукоятью ножа. Ратмир закрепил ворот клином.

Десятник привёл арбалетчиков. Млада выстрелила в него и попала в щит. Пока враги отступали за навес, Берест потащил к проходу пустую телегу. Болт пробил его плащ и пригвоздил ткань к доске; Тихон перерезал край, освобождая товарища.

У самого моста под упавшей балкой билась кобыла. Мальчик-конюх не уходил от неё, хотя над ним уже щёлкали самострелы. Берест приподнял балку, Млада рассекла повод. Тихон отвёл мальчика за телегу. На противоположном берегу Ждан махал рукой: пленникам открыли выход, пора было уходить.

Млада перерезала верёвку старика. Девушка с ребёнком смотрела на неё с ужасом.

— Я не причинила зла, — шептала она. — У меня только хлеб в мешке.

— Знаю. Иди за мной.

На мосту раздался свист. Один из караульных заметил Невзора и выстрелил из лука. Стрела задела разведчику шею, но он успел сбить стрелка коленом в перила. Тот не упал в реку, уцепившись за доску.

— Пусти! — заорал человек.

Невзор держал его за ворот. Несколько долгих секунд он

смотрел на лицо стражника, решая, стоит ли спасать. Потом выдернул парня на настил и оглушил рукоятью ножа.

— От меня спасибо не жди, — сказал он.

Ждан вывел к реке двух купцов. Один хромал, другой держал в руках мешок, который мог бы бросить ради собственной жизни, но не бросил. Девушку звали Милеша. Её муж погиб на войне, а ребёнок был сыном человека, которого княжеский писец объявил должником. Теперь их везли в Белояр, чтобы забрать мальчика в услужение.

Ратмир услышал это уже на противоположном берегу. Он посмотрел на спящего ребёнка, на сапоги Милеши, протёртые до дыр, и ощутил давно знакомую усталость. Столько лет они побеждали, чтобы государство перестало жить подобным образом. А теперь сборщики снова брали детей за долги — во имя мира и порядка.

— К монастырскому двору идите, не к трактовой заставе, — сказал Ждан женщине. — Попросите Весту. Она детей прячет лучше, чем я раны зашиваю.

— Разве там не княжеские люди? — спросила она.

— Есть. Но Веста хуже любого княжеского человека, когда кто-нибудь трогает её сирот.

Милеша поблагодарила их и ушла с освобождёнными через ночной лес. В другую сторону, по дороге к Белояру, уже слышался рог.

Невзор, проверявший берег, вернулся с нахмуренным лицом.

— Ловчие идут быстрее, чем должны. Кто-то ведёт их прямо через реку.

— Стрыга? — спросила Млада.

— Не знаю. След чистый, без запаха стаи. И это меня беспокоит.

Когда пленники скрылись за деревьями, Ратмир ещё раз оглянулся. У переправы остались испуганные стражники и сбежавшие лошади. Один солдат, которого Млада могла убить, перевязывал другому плечо. Они не стали союзниками стаи: наутро им, вероятно, прикажут снова искать волчьих. Но Милеша и её ребёнок ушли живыми — сейчас это было единственным результатом, который Ратмир мог назвать победой.

Гарнизон уже не понимал, чей приказ выполнять. На таких переправах начинались междоусобицы — с одного человека, побежавшего не за тем знаменем.

* * *

Трое суток они держались вдали от больших дорог, и только на третью ночь после переправы Рожан разбудил Тихона и попросил назвать его имя.

— Рожан, — ответил юноша, сонно щурясь.

— Нет, не моё. Твоё.

— Тихон.

Старик повторил имя дважды, словно пробуя на вкус.

— А меня ты знаешь?

— Конечно. Ты из нашей стаи.

— Хорошо. Значит, ещё не совсем потерялся.

Рожан устроился возле костра, хотя разводить его было запрещено. Невзор хотел затушить огонь, но увидел стариковы руки: они тряслись так, что трут едва держался между пальцев. Он сел рядом и молча подложил сухую кору.

Утром Рожан уже не помнил разговора. Он помнил войну, князя, вкус жжёного хлеба под Тихим перевалом, но не понимал, почему на поясе висит пустой кругляш.

Гостята объяснил, что когда-то Рожан сам вырезал на нём имя жены. Потом имя стёрлось, и старик запретил кому-либо подсказывать. Он хотел вспомнить самостоятельно.

— А если он так и не вспомнит, что было вырезано? — спросил Тихон.

— Оставим дерево нетронутым, — ответил писарь. — Не нам за него вспоминать.

Они вышли к каменной гряде над рекой. Там, где лес редел, ветер гнал по земле прошлогоднюю хвою. Через овраг проходила дорога к старому торжищу. Следов погони не было, зато у дороги обнаружились две свежие могилы, отмеченные ветками. Кто-то похоронил людей быстро и не поставил имён.

Ждан остановился.

— Дай взглянуть.

Под верхним слоем земли лежал мужчина в сером плаще. У него были вывернуты кисти, как после тяжёлой судороги, а на шее — две длинные рваные раны. Вторую могилу Рат-

мир не позволил вскрывать: по запаху было ясно, что там ребёнок.

— Зверь? — спросила Ольша.

— Волчий, — сказал Невзор. — Но не из наших. Похожие раны я видел у Сухой речки.

При словах «Сухая речка» Млада перестала затягивать ремень на наруче. Ратмир дождался, пока она снова возьмётся за пряжку. О погибших она говорила иначе: гневно, подробно, по именам. Здесь же не произнесла ни одного.

На камне возле могил обнаружили вырезанный знак — три узких черты и поперечную, похожую на перечёркнутую тропу. Гостята достал свою дощечку, сравнил рисунок с записями и тихо присвистнул.

— Такими знаками помечали обозы северной сотни после Сухой речки. Когда их перестали пускать в города.

— Северную сотню распустили, — сказал Ратмир.

— На бумаге.

Ольша подошла к краю оврага и обнаружила свежий след босой ноги, слишком большой для человека. След обрывался у гладкой скалы. Ни веток, ни мха он больше не касался.

— Он ушёл по камню, — сказал Невзор. — Умный.

— Или боится следов, — добавил Ждан.

Не прошло и часа, как они увидели его. Волчий стоял на гребне холма, на четырёх конечностях, но с человеческой осанкой в плечах. Шерсть была выдрана клочьями; на одной лапе висел обломок браслета с княжеским знаком. Он смот-

рел на стаю и тяжело дышал. На морде застыло выражение, которое не могло принадлежать зверю: мучительное усилие вспомнить знакомое лицо.

Ратмир шагнул вперёд.

— Как тебя звать, брат?

Существо склонило голову. В ответ раздалось несколько невнятных звуков, почти человеческих. Рожан вдруг ахнул.

— Крыня, — прошептал он. — Это Крыня. Мы вместе переправлялись через Тихую воду.

Волчий вздрогнул. Имя ударило его сильнее стрелы. Он попытался произнести его, но из пасти вырвался хрип.

Затем запах людей донёсся с дороги.

Существо резко обернулось и исчезло за грядой. Не напало, не подало знака, не попросило помощи. Только оставило возле камня влажный след ладони, будто хотело убедиться, что земля ещё существует.

Ратмир приказал не преследовать.

— Почему? — спросил Тихон. — Он же один из нас.

— Именно поэтому. Мы не знаем, видит ли он сейчас в нас людей.

Тихон отвернулся. Ему было легче думать о волчьих как о непобедимых защитниках. Но тот, на холме, не выглядел ни непобедимым, ни защитником. Он был человеком, утратившим почти всё, что делало его человеком, и продолжавшим жить среди собственных обрывков памяти.

Они задержались у двух могил дольше, чем позволял при-

каз. Ждан попросил у Гостяты чистую дощечку и вырезал на ней лишь то, что видел собственными глазами: мужчина, возраст около сорока, серый плащ, сломанные пальцы, две раны на шее. Имя неизвестно. Вторую дощечку он оставил пустой, кроме слова «ребёнок».

— Зачем? — спросил Тихон. — Ведь их никто здесь не найдёт.

— Ты нашёл, — ответил Ждан. — Значит, уже не никто.

Старые военные донесения называли погибших удобными словами: «потери», «издержки», «вражеские». Ждан не хотел ещё раз стоять у могилы человека, которого невозможно отличить от записи о сломанной повозке. Он закрепил дощечки на молодых берёзах. Невзор возразил, что так они оставят след, но после недолгого молчания всё же помог привязать верёвку.

Среди камней за могилами Млада заметила клочок белой ткани. Он был зажат в расщелине двумя железными гвоздями, не ржавыми, как всё здешнее железо, а новыми, недавно выкованными. На ткани темнела засохшая кровь. В середине кто-то вырезал тонким ножом круг, а внутри круга — ещё одну черту, настолько слабую, что её можно было принять за царапину.

— Могильный знак, — решил Тихон.

— Нет, — возразила Ольша. — Так помечают место, откуда должно что-нибудь выйти. Не похороны, а ожидание.

Ветер переменился, и над оврагом повис запах мокрой

шерсти. Невзор поднял руку. Снизу доносился скрип колеса. По дороге двигалась узкая телега под холстом. Её тянули две лошадёнки, а впереди шёл человек с длинным шестом, на котором болтались три колокольца. Колокольца были обёрнуты тканью и не звенели.

Ратмир не стал выводить стаю навстречу. Он увёл Тихона и Ждана на скальный уступ, Младу отправил на противоположную сторону оврага. Остальные прикрыли выход к лесу. Они хотели дождаться, пока чужие пройдут мимо. Но возница остановился именно напротив могил. Снял с телеги небольшой ящик, открыл его и начал раскладывать на земле медные пластинки.

— Что он делает? — шепнул Тихон.

— Считает, — ответил Гостята. — Только не людей.

Мужчина заглянул в ящик, назвал вслух два имени и выставил пластины рядами. Из-под холста донёсся глухой удар, будто кто-то стукнул сапогом по доске. Лошади забеспокоились. Возница взял шест, коснулся им края телеги. Удар повторился, но слабее.

Тихон сжал зубы. Там был живой человек. Возможно, даже не один. Ратмир приложил палец к губам, затем показал на Младу: ждать знака. Ему не хотелось начинать бой ради любого незнакомого груза, но он слишком хорошо знал, что княжеские телеги не возят тайных пленников без причины.

Млада выпустила стрелу не в возницу, а в обёрнутый тканью колокольчик. Тот соскочил с шеста, ударился о камень

и зазвенел тонко, не по-человечески высоко. Лошади рванулись. Возница побежал к упряжи, и в эту секунду Ратмир прыгнул на дорогу.

— Отойди от телеги!

Мужчина выставил шест, как копьё. Ратмир перехватил дерево и вывернул ему запястье. Возница не закричал. Только попытался достать из-за пазухи медный знак. Невзор ударил рукоятью ножа по пальцам; знак упал в траву. Мужчина сразу осел, будто в нём разом кончились силы.

Под холстом лежали не пленники, а четыре неподвижных тела в пеньковых мешках. Но один мешок продолжал дёргаться, и Ждан успел развязать верёвку, прежде чем все отступили. Из мешка поднялась рука — серая, с чужой человеческой кистью, пришитой к плечу грубой ниткой. Рот на голове был зашит поперёк, однако кто-то внутри пытался произнести имя.

— Закрой, — приказал Ратмир.

Ждан отшатнулся. Рот под мешком расплылся, словно не принадлежал костям. Возница, лежавший у колеса, заговорил вдруг тонким женским голосом:

— Не называй ему своё имя. Он возьмёт, что услышит.

Ратмир увидел на теле возницы белую полоску от медного обруча. Сам человек, похоже, не понимал, чей голос прошёл через его горло. Он вырвался, забился между колёс и закричал уже по-настоящему. Гостята набросил на открытый мешок плащ. Млада прижала его коленом, Ольша стянула ве-

рёвкой. Движение внутри прекратилось.

Лошади наконец вырвались из упряжи и понеслись к югу. Невзор не стал ловить их: больше пользы было в том, что по следам разбежавшихся животных любой преследователь сначала пойдёт не туда. Возница сидел, обхватив голову руками. Ждан осмотрел его запястье и велел не трогать медь голой кожей.

— Кто тебя послал? — спросил Ратмир.

— Я возил соль, — дрожа, сказал мужчина. — Думал, соль. Мне не велели заглядывать. Потом стали сниться люди. Они просили довезти их имена. Я не знал, что имена могут быть тяжелее мешков.

Ратмир хотел добить зашитое существо топором, но Ждан остановил его. Сначала следовало выяснить, жив ли кто-то под грубыми швами, не получится ли снять медные пластины, не убив чужое тело. Они не могли спасти всех прямо здесь. Однако могли не уничтожать того, чью природу ещё не понимали.

Телегу закатили в каменный закуток и сняли колёса. Мешки закрепили цепями к скале, медные пластины сложили под перевёрнутый котёл. Возница, оправившись, согласился ждать у развилки, подальше от груза. Гостята написал предупреждение для проезжих. На ближайшем хуторе Ратмир оставит ещё одно — не подходить к телеге до прихода лекарей. Сам он не знал, хватит ли этих мер.

Когда стая снова вышла на тропу, Тихон долго молчал.

Потом спросил:

— Почему он говорил чужим голосом?

— Не знаю, — ответил Ратмир.

— А ты уверен, что всё ещё говоришь своим?

Ратмир хотел возмутиться. Но вспомнил, как часто в последние годы повторял княжеские слова, не обдумывая их. Он не нашёл ответа, который был бы честным и коротким.

Вечером Гостята принёс Ратмиру бересту.

— Здесь имена погибших на Сухой речке. Я когда-то переписал их из донесения. И есть одно, которое ты должен увидеть.

Ратмир поднял запись к свету.

В нижней строке стояло имя Млады.

Она числилась среди погибших три года назад.

Ратмир провёл пальцем под последней строкой, сверил черту в букве и только тогда позвал Младу к огню.

Глава пятая. Мёртвая женщина

У костра Млада прочла своё имя в списке погибших без удивления. Только провела пальцем по бересте и спросила Гостяту, откуда запись.

— Княжеская опись, — ответил Гостята. — Три списка после Сухой речки: в Белояр, в Озёрный, родным. Здесь ты умерла. Я сверял почерк — один писарь на всех трёх. А на пиру тебе отвели место у самой стены, словно этой записи и не было.

— Хорошее место для имени, — сказала Млада. — Хоть не мешает.

Ратмир отослал Гостяту к остальным. Писарь ушёл неохотно, поглядывая на обломок печати: он не любил тайн, которые нельзя было сверить по дате и почерку.

Они сидели у слабого огня. Сухая ветка ломалась в углях с тихим треском. Ратмир долго не начинал разговор, и Млада дала ему это время.

— Я велел записать тебя мёртвой, — сказал он наконец.

— Я помню.

— Тогда лучше объясни это людям сама.

Млада задумалась. Когда-то они договорились, что Сухая речка останется их тайной. Договор этот был похож на плохо зашитую рану: стоило потянуть нитку, и всё начинало кровоточить.

— Я вошла туда с дозором, — сказала она. — В долине стояло село. Сотня Крыни получила приказ окружить его и не выпускать никого, пока не придёт княжеский лекарь. Нам сказали, там мор. Я видела детей, которые играли у колодца. Они не выглядели больными.

— Ты рассказывала мне, — тихо сказал Ратмир.

— Не всё. Был шатёр, обитый изнутри белой тканью. В нём стояли медные чаши, и одна женщина заставляла волчьих вспоминать самое дорогое. Имя первого друга. День, когда умер отец. Место, где они прятались от грозы. Она произносила слова, и на дне чаш появлялись тени. Не отражения. Именно тени.

Ратмир смотрел на огонь.

— Почему ты не сказала про чаши?

— Потому что сама не знала, что видела. А потом уже не могла вспомнить лица женщины.

Млада расстегнула ворот и показала длинный шрам чуть ниже ключицы. Его знала вся стая: на войне шрамов было столько, что спрашивать о каждом считалось дурным тоном. Но теперь Ратмир разглядел внутри белой линии тонкие насечки, словно кто-то проводил по коже раскалённой проволокой.

— Меня привязали к столу, — продолжала она. — Сказали, что проверят, как память волчьего связана с кровью. Когда я отказалась, женщина велела принести мальчика из деревни.

— Мальчика?

— Ему было лет семь. Он держал деревянную свистульку. Я помню её лучше, чем его лицо.

Млада замолчала. Ратмир не поторопил. В некоторых историях молчание было единственной частью, которую ещё можно было перенести.

— Я обратилась, — сказала она. — Не по приказу. Разорвала ремни, выломала стол. Помню, как белая ткань стала красной. Потом — ничего до того дня, когда ты нашёл меня у речки. Ты обещал, что меня не отдадут обратно.

— Я обещал.

— И велел записать мёртвой. В обоз я вернулась под другим именем, а потом ты добился моего возвращения в дружину. Князь знал. Обещал не поднимать старое дело. Наверное, тогда ты считал это спасением. Только теперь ищут всех.

Ратмир вспомнил тот день: на берегу стоял дождь, мокрая трава прилипала к ногам, Млада тряслась и называла всех встречных чужими именами. Он отвёз её тайком в монастырский дом и заплатил лекарю собственной наградой. О Сухой речке князь получил короткое донесение: сотня не подчинилась приказам, село погибло, расследование завершено.

— Я сказал Всевладу, что волчьи потеряли рассудок, — признался Ратмир.

Млада подняла голову.

— Я знаю. Ты спас меня и погубил остальных.

Слова прозвучали без ненависти, и от этого стали только тяжелее.

— Я думал, что больше никто не пострадает.

— Ты думал, что, если закрыть глаза, исчезнет то, что мы сделали. Я тоже так думала.

В тот вечер она впервые рассказала всей стае о белом шатре. Гостята записал её слова медленно, не вставляя вопросов. Берест перестал шутить. Ждан спросил о мальчике, но Млада лишь покачала головой: ни его имени, ни судьбы она не знала.

Тихон сидел у дерева и слушал. Когда Млада закончила, он спросил:

— А что, если князь убивает нас, чтобы никто не вспомнил об этом?

— Тогда он очень плохо знает волчьих, — сказал Рожан. — Мы как раз умеем забывать без его помощи.

После рассказа Млады никто не хотел ложиться. Гостята снова развернул список погибших. Ждан достал клочок полотна, которым был стянут мешок на недавней телеге с телами. Такими же узлами в княжьем обозе завязывали покровы раненых, которых не давали ему лечить.

— Я сам перевязывал возницу с седьмой подводы, — сказал Ждан. — Наутро ему велели молчать, а обоз записали пустым. Зачем пустому обозу сорок мечей сопровождения?

Ольша присела рядом с Гостятой и велела показать записанные приказы. Сухая речка упоминалась в двух: один за-

прещал проход через долину после начала мора, второй разрешал вывозить оттуда имущество без описи. Даты не сходились. Разрешение вывезти имущество выдали за день до того, как княжеская стража объявила о болезни.

— Мор ещё не начался, а вещи уже делили, — заметила Ольша.

— Это не доказательство, — сказал Ратмир.

— А вот это ты оставь для суда, — ответила она. — Мы пока спрашиваем, кого ещё успели забрать.

Млада попросила карту. От старой дороги к Сухой речке отходил ручей; вниз по нему стояла кузница, где после побега она пыталась укрыться. До разветвления оставалось меньше версты. Туда же вели следы телеги с зашитыми телами. Ратмир решил проверить берег прежде, чем стая уйдёт на восток.

Они решили проверить берег ещё до рассвета. Идти далеко было нельзя: княжеские дозоры могли уже перерезать дорогу. Ратмир, Млада и Невзор прошли к старой мельничной плотине, откуда разлившаяся вода несла вниз чёрные доски. Между корней у самого берега нашлась заржавленная скоба. К ней была прикреплена тонкая цепь, уходившая под воду.

Невзор дёрнул её дважды. На другом берегу отозвался глухой стук. Млада сразу залегла в траву. Трое вооружённых людей вышли из-за жердей и стали вглядываться в темноту. Они не носили знака сокола; у каждого на шее висел небольшой костяной круг. Первый подошёл к воде и произнёс:

— Назовите тех, кто уцелел.

Млада взяла его на прицел, но Ратмир придержал лук рукой. Вопрос слишком точно совпадал с тем, что им было нужно узнать. Он ответил, что везёт донесение из Белояра, и потребовал показать старшего. Люди переглянулись. Один сделал шаг назад, другой поднял кругляш к губам, словно собирался в него свистнуть.

Невзор бросил камень. Попал не в человека, а в кругляш. Кость раскололась, и из неё вырвался тонкий голос, похожий на детский плач. Мужчина схватился за горло. Второй выхватил нож и ринулся к воде, но Млада стрелой прибила его рукав к прибрежной доске. Третий попытался убежать через заросли, однако Невзор был быстрее. Он догнал его и уложил в грязь.

Пленник оказался обычным человеком, худым, с обмороженными ушами. Оттого было ещё неприятнее видеть, как он пытался вывернуть себе палец, чтобы не назвать имя. Ратмир отобрал нож и спросил о дороге, по которой шли белые подводы.

— Я только караулил, — хрипел мужчина. — Мне платили, чтобы никто не переходил сюда ночью.

— За что ещё платили?

— За молчание. Про детей. Я их не трогал, клянусь.

На слове «дети» Млада прижала к его горлу острие стрелы. Ратмир не велел убрать оружие, но заставил пленника смотреть ей в лицо.

— Она была там, — сказал он. — И она может подтвердить, что вывозили живых. Говори с ней, не со мной.

Мужчина начал рассказывать. Он сменялся здесь всего вторую неделю, караулил подводы, шедшие от старых соляных копей. В двух последних плакали дети. В третьей сидели взрослые, пристёгнутые к бортам ремнями. Сопровождавшая их женщина назвала себя Асавой. Одному ребёнку обещала, что скоро все забудут плохое. Караульные смеялись.

— Куда ушли? — спросила Млада.

— По восточной дороге. На развилке к старым соляным копям. Велели держать переправу свободной. Я туда не ходил…

— Ты знал, — сказала она и отошла.

Пленника отвели к ближайшему деревенскому двору и передали старосте под расписку, оставив один из его костяных знаков. Млада проверила узел на руках караульного. Теперь он хотя бы не вернётся на смену прежде, чем кто-нибудь услышит его рассказ.

Когда трое вернулись к костру, до рассвета оставалось много времени. Гостята записал показания со слов Млады и Невзора, отдельно отметил: сам пленника не слышал. Ратмир продиктовал дорогу подвод. Им предстояло проверить рассказ, прежде чем вести по нему всю стаю.

Млада сидела перед огнём, сжимая ладони. Ратмир достал у неё из пальцев обломок стрелы, который она не заметила.

— Ты мог позволить мне его убить, — сказала она.

— Мог.

— Думаешь, он заслуживает суда?

— Думаю, дети заслуживают, чтобы он успел рассказать всё.

Она долго молчала, затем выдернула обломок из руки Ратмира и швырнула в угли. Когда он поднялся на дозор, Млада вышла за ним. Прежде чем отпустить его к лесу, заставила повторить имена тех, о ком он говорил. С утра их запишет Гостята.

Ночью Млада дежурила с Ратмиром. Он ожидал, что она будет молчать, однако она заговорила сама.

— Помнишь, как мы встретились?

— Под воротами Ветлугина. Ты украла у моего обозника коня.

— Он сам сбежал. Я только показала направление.

— Ты ударила обозника.

— Он мешал коню думать.

Ратмир улыбнулся.

— Помню.

Млада долго смотрела на его лицо.

— Вот и держись за это, Сивый. Если мы с тобой начнём забывать, кто были до войны, останемся только теми, кем нас называет князь.

Утром, собирая стоянку, Гостята нашёл на краю лагеря маленький деревянный свисток. Его никто не видел прежде. Он лежал там, где всю ночь сидела Млада.

Она осмотрела вещицу. На боку были вырезаны три маленькие волны и кривой круг.

— Такой был у мальчика, — прошептала она.

Невзор принюхался к земле. На мху не осталось ничьих свежих следов, кроме их собственных. Он поднял свисток к носу, вздрогнул и сразу положил обратно.

— Пахнет не человеком. Мокрым камнем и тем, что бывает внутри старых могил.

Ратмир велел спрятать находку, но Млада отказалась.

— Дай мне. Если кто-то хочет, чтобы я вспомнила, я должна знать — что именно.

* * *

На следующей стоянке Ратмир оставил троих в ночном дозоре, а ещё до рассвета поднял остальных. К Залесью вела узкая дорога, на которой два воза не могли разъехаться без ссоры. Купцы называли её вдовьей: во время последней войны здесь нападали так часто, что любой мужчина, уходивший за товаром, заранее прощался с женой. Теперь возле дороги стояли княжеские столбы с изображением сокола и обещанием безопасного прохода.

Под одним столбом лежал мёртвый конь. Его не успели объесть звери. На шее висел кожаный мешочек для посланий, опечатанный воском. Невзор осмотрел землю, нашёл кровавую полосу на коре и отпечатки двух пар сапог.

— Посыльного забрали, — сказал он. — Или увели. Похоже, не княжеские.

В мешочке оказался лист тонкой выделанной кожи. Печать была сломана. Гостята развернул его и прочёл:

«Воеводу Ратмира доставить живым. Мальца по имени Тихон не увечить, не опаивать, не допускать обращения. Остальных по обстоятельствам. Княжеский знак действителен до нового слова».

Под текстом стояла малая печать Всевлада. Подписей не было.

— «По обстоятельствам», — прочла Ольша. — Приказ хоть на верёвке вешай: шею под него всегда найдут.

Тихон смотрел на письмо, не моргая.

— Что во мне такого?

Тихон обвёл лица товарищей. Берест раскрыл рот и снова закрыл; Ждан смотрел на землю. Они знали цену превращения и молчали: решение оставалось за Тихоном.

Дальше дорога шла вдоль оврага. У его края чернели следы тяжёлых колёс, а на дне лежали мокрые перья: здесь недавно перебили обозных гусей, но человеческие вещи забрали без разбора. Невзор заметил, что следы от колёс идут только в одну сторону. Возчики не возвращались прежним путём. Возможно, их вообще не собирались отпускать.

Ратмир отправил Ольшу и Тихона к ближайшему перелеску. Там стояла сторожевая хижина — пустая, если судить по забитому окну. Однако внутри на столе сохранился тёплый пепел, а под лавкой валялась оторванная пуговица с княжеского плаща. Кто-то прятался здесь совсем недавно и ушёл,

услышав стаю.

Ольша отворила заднюю дверь и увидела в узкой канаве маленький деревянный ящик. Он был обмотан белой верёвкой. Внутри лежали четыре восковых слепка княжьей печати, набор резных букв и две дощечки, на которых от руки были написаны разные имена одного и того же человека. Оба имени сопровождались одинаковым оттиском сокола.

— Даже мёртвому дали бы выбрать, кем зваться, — сказала Ольша.

Тихон вынул из ящика детскую рукавицу. Изнутри её подкладку удерживал медный крючок. Он уже видел такие крючки на ошейниках, которыми ловчие стягивали шею пленным. Юноша положил рукавицу назад с осторожностью, какой не проявил бы к целому сундуку серебра.

Снаружи заржала лошадь. В узкой щели между стеной и дверью мелькнула тень. Ольша резко закрыла ящик, сунула его Тихону и толкнула юношу к печному лазу.

— Поднимайся на крышу. В лес — по елям. Не задерживайся.

— А ты?

— Я не влезу в эту дыру. Да и гостям чай не поставлен.

Дверь снесли двумя ударами. В помещение вошли трое в кольчугах, за ними четвёртый с коротким самострелом. Ольша отступила за стол. Первый бросился на неё, но упал, зацепившись за железный котёл, который она успела сдвинуть ногой. Второй успел подставить щит; удар ножа скользнул по

ободу. Ольша врезала противнику табуретом в подбородок. Дерево разлетелось, а человек всё ещё стоял.

Самострел щёлкнул. Болт вошёл в стойку в волосе от её виска. Она схватила горящую головню из печи и швырнула стрелку в лицо. Человек зажмурился, отпрянул к двери, перекрыв выход своим товарищам. Ольша воспользовалась мгновением, пролезла между ними и оказалась во дворе.

Там её ждала лошадь под княжьим седлом. Она вскочила на спину животного прямо с колоды, но повод был привязан к дверному столбу. Конь рванулся, столб заскрипел, и хижина, и без того державшаяся на честном слове, качнулась. Ольша успела перерезать ремень; конь вынес её на дорогу. За спиной рухнул навес, в пыли закричали люди.

Тихон уже бежал по опушке, прижимая ящик к груди. Он видел, как вслед за Ольшей выскочили двое всадников, и понял, что та не успеет к своим прежде, чем её настигнут. Вместо того чтобы обращаться, юноша вскарабкался на поваленный ствол и стал бить мечом по заклинившемуся сучью. Ветки нависали над дорогой. Три удара, четыре; кисть онемела. На пятом сгнившая сердцевина поддалась. Ветви рухнули перед передней лошадью, всадник перелетел через голову коня и остался лежать в канаве. Второй осадил поводья, и этого мгновения Ольше хватило, чтобы исчезнуть за изгибом дороги.

Когда Ратмир и Млада прибежали на шум, охотники уже собирались отступать. Невзор вышел им наперерез с лу-

ком. Одного обезоружили, второго заставили слезть с коня. Остальных отпустили пешими, забрав тетивы и ремни. Ратмир не собирался устраивать казнь за каждую погоню. Ему нужны были живые люди, которые потом расскажут, что видели.

Ящик раскрыли у ручья. Гостята перебрал восковые оттиски и сравнил их с княжеской грамотой. Слепки сняли с настоящих печатей разных лет. По ним можно было вырезать матрицы, а небольшие различия крыла и клюва затем придавали бы подделкам вид старых приказов.

— А если мы покажем это семьям, у которых забрали людей? — спросил Тихон. — Они узнают печати?

— Узнают, — сказал Ратмир. — Но одной печати мало. Нужен человек, который видел, кто её ставил. И кто по ней забирал.

— А если свидетеля не будет?

— Тогда придётся искать ещё одного.

Ольша сидела у воды и смывала с шеи кровь. Она не стала рассказывать, насколько близко был болт от её лица. Только попросила Гостяту сохранить рукавицу отдельно от печатей. У него вышло два свёртка: один для того, что враги могли подделать, другой — для вещей, по которым ребёнка ещё можно будет узнать.

Ближе к вечеру они наткнулись на заброшенное святилище. Посреди поляны стоял деревянный столб, почерневший от дождей. Лицо бога на нём давно сбили топором; у подно-

жия лежали засохшие цветы и треснувшие глиняные горшки. Местные когда-то молились здесь Веяду, Хранителю путей, просили не заплутать в лесах. Потом княжеские люди приказали оставить старые обычаи. Молитвы прекратились, но цветы кто-то приносил и после этого.

В святилище их ждал Стрыга.

Он сидел возле столба без лука, в простом тёмном плаще. На плече у него виднелась свежая повязка. Как он получил рану, никто из них не видел. Рядом стояла миска с хлебом. Он не притронулся к еде.

— Надо было звать раньше, — сказал Ратмир.

— Думал, ты сам догадаешься, что я один.

Невзор обошёл поляну и показал два пальца, затем перевернул ладонь: следы чужих были старые. Стрыга действительно пришёл без ловчих.

— Ты велел отдать Тихона, — сказал Ратмир.

— Я передал, что велел князь.

— А теперь?

— Теперь пришёл сказать, что приказ меняется. Асаве он нужен живым. Она обещает князю закрыть то, что открыла у Сухой речки.

Млада шагнула вперёд.

— Асава?

Стрыга повернулся к ней. По лицу было видно, что он знает больше, чем желал бы.

— Она называла себя лекаркой. Женщина с чётками, ка-

менные костяшки. Теперь сидит рядом с Миротвором и говорит, что спасает мир.

Млада вытащила деревянный свисток.

— Это её?

Стрыга побледнел.

— Где взяла?

— Нашли у лагеря.

— Она хотела, чтобы ты вспомнила. Значит, уже почувствовала вас.

Ратмир показал письмо с печатью.

— Ты привёз его и подбросил возле дохлой лошади?

— Нет. Посыльный погиб от рук княжеских же людей. Один из моих отказался убивать мальца. Его догнали прежде, чем он добрался до тебя. Но мешок с письмом оставили — хотели, чтобы ты увидел.

— Зачем?

— Чтобы испугался и погнался спасаться туда, где тебя ждут.

— Ты сейчас именно этого добиваешься?

Стрыга усмехнулся. На этот раз улыбка не напоминала прежнюю.

— Я добиваюсь, чтобы ты наконец перестал считать князя единственным, кому стоит не доверять.

Из-под плаща он достал маленький свёрток. Внутри лежал медный обруч с тремя зарубками.

— Я украл это в Белояре из княжьей оружейной. Обруч

держали отдельно, в железном ящике. На нём знак старой тропы. Такой же, как на камнях у Сухой речки. Я слышал, что он открывает вход к Семерым камням, за Чернолесьем. Там живёт волхв Ведан. Если кто знает правду о крови, так он.

— Почему помогаешь? — спросила Млада.

Стрыга посмотрел на Тихона.

— Когда нас учили обращаться, мне сказали, что превращение — честь. А потом я начал забывать. Имя брата осталось. Его лицо — нет. Вчера мне передали, что брат умер год назад. Я не помню, когда видел его в последний раз. И не знаю, был ли на похоронах.

Он положил обруч на землю.

— Князь хочет мира. Асава хочет чего-то другого. Если ошибёшься, Сивый, они оба получат своё.

Ратмир не опустил топора.

— Откуда мне знать, что это не ловушка?

— Неоткуда. Иногда приходится решать без уверенности.

Стрыга поднялся и вышел через северную тропу. Никто не попытался остановить его. Только Тихон крикнул вслед:

— А ты сам пойдёшь к Семерым камням?

Стрыга не обернулся.

— Если ещё буду помнить, зачем.

Ратмир дождался, пока затихнут шаги, и поднял обруч. Он был тяжёлым, тёплым, словно его только что сняли с живого тела. На внутренней стороне шёл ряд крошечных зна-

ков. Гостята попробовал их прочесть, но буквы не принадлежали ни одной известной ему речи.

— Ведан, — сказал Рожан.

Старик произнёс имя так, будто оно обожгло ему рот.

— Ты знаешь его? — спросил Ратмир.

— Нет, — ответил Рожан после долгой паузы. — Но знаю, что мне не хотелось бы встречаться с ним снова.

Глава шестая. Лес, который слушает

От последней просёлочной дороги стая повернула к старым лесным межам. Никто не спрашивал, сколько им ещё идти: Невзор и сам не знал, какие тропы остались проходимыми. Чернолесье начиналось не у реки и не у княжеского столба. Лес густел постепенно. Сперва между стволами ещё мелькали полосы неба, затем исчезли и они. Корни выпирали из сырой земли; шагать приходилось по ним, как по рёбрам перевёрнутой лодки.

Здешние птицы не подавали привычных голосов. Иногда слышался сухой стук, похожий на удары деревянной ложки о пустую чашку. Иногда кто-то звал по имени из-за стволов, хотя вся стая шла вместе.

— Даже если позовёт родная мать — головы не поворачивать, — предупредила Ольша. — Здесь голоса умеют ходить без людей.

— А если скажут, что за нами пожар? — спросил Берест.

— Тогда смотри, не горит ли что-нибудь. Голосам верить не надо.

Невзор вёл всех по ложбине, обходя места, где трава неожиданно росла зелёной среди осенней желтизны. В Чернолесье это считалось дурным знаком. В таких местах земля

удерживала лето, будто забыла отпустить его дальше.

На одном из привалов Тихон заметил между деревьями женщину в белой рубахе. Она стояла неподвижно, спиной к нему, волосы спускались ниже пояса. Юноша подумал, что это путница, потерявшая дорогу, и уже собирался окликнуть, когда она повернула голову слишком далеко, почти назад, не двигая плечами.

— Тихон, — сказала женщина голосом его младшей сестры.

Юноша застыл.

Он не видел сестру два года. Она осталась в деревне с тёткой, когда он ушёл в дружину, и присылала ему смешные рисунки на бересте: собак с человеческими головами, кривые лодки, князя, которому нарисовала вдвое больше усов, чем полагалось человеку.

— Ты обещал вернуться, — сказала женщина.

Тихон сделал шаг.

Млада ударила его по уху. Сильно, с той деловитостью, с какой сбивают приставшее к сапогу насекомое.

— Совсем дурной? — прошептала она.

Женщина уже исчезла. На месте, где она стояла, висела мокрая ветка, а по коре ползло множество белых личинок.

— Она знала голос моей сестры.

— Она знала, что ты хочешь услышать, — ответила Млада.

Ратмир приказал идти плотнее. Он не боялся лесных ду-

хов так, как их боялись крестьяне: видел в жизни достаточно обычных людей, совершавших вещи куда страшнее. Но здесь даже привычная осторожность могла не помочь. Если лес считывал воспоминания, то для волчьих он был опасен вдвойне.

К вечеру они нашли покосившийся дом без двери. Внутри пахло пылью, старым мёдом и тлением. На стене были выцарапаны десятки имён. Одна надпись оказалась свежей: «Не вспоминай, когда тебя зовут».

Гостята тронул её пальцами.

— Нож острый, дерево сырое. Сегодняшняя.

— Кто-то перед нами прошёл? — спросил Ждан.

Ответ пришёл из темноты.

— Вы слишком громко думаете.

На пороге стояла старуха с корзиной грибов. На голове у неё было три платка разного цвета, один поверх другого, на ногах — два несхожих сапога. Она поддела палкой миску у двери и взглянула на людей так, будто те заняли её лавку.

— Ты кто? — спросила Ольша.

— Тот же вопрос могла бы задать вам, но вижу, что вы все в крови, и не хочу выслушивать ответы до утра.

Старуха представилась Громицей. Говорила, что живёт в Чернолесье столько, сколько здесь растут осины. Гостята осторожно уточнил, не является ли она духом.

— Быть человеком дешевле, — сказала Громица. — Духам приходится всё время кого-нибудь пугать, а мне и без

того дел хватает.

Она позволила им заночевать в доме, но потребовала трёх вещей: не смотреть в окно после заката, не произносить свои имена во сне и оставить у порога миску воды.

Берест спросил, зачем миска.

— Для тех, кто придёт пить, пока вы не слышите.

— А если придут есть?

— Тогда выбирайте самого жирного.

Берест обиделся.

Ночью Ратмир проснулся от шёпота. Рядом спал Ждан, укрыв мешок с травами собственным плащом. Рожан тихо считал имена на шнурке. За окном кто-то ходил по влажной земле, переступая с ноги на ногу. В миске у порога плеснула вода.

Голос позвал:

— Ратка.

Он похолодел. Так называла его мать. Это прозвище знали только самые близкие люди. Снаружи послышался её смех — тот самый, который он потерял в ночь побега. Лёгкий, тёплый, с коротким вздохом в конце. Ратмир не знал, откуда это знание пришло; память была пустой, но тело узнало звук.

Он поднялся и протянул руку к двери.

— Не надо, — произнёс Рожан.

Старик не спал.

— Там моя мать.

— Нет. Там твоя потеря.

Они сидели, пока смех не стих. Под утро вода в миске исчезла, оставив на глиняных стенках серую крошку, похожую на пепел. Громица без удивления вылила остатки под корень яблони.

— Лес слушает, — сказала она. — Не стоит ему рассказывать всё, чего вам не хватает.

На рассвете Громица показала узкую тропу к Семерым камням. Взяла за помощь не серебро, а три добрые вещи: деревянную ложку Ждана, шерстяную нить Млады и рисунок, который Тихон носил в нагрудном мешочке.

Юноша долго держал бересту, прежде чем отдать. На рисунке сестра нарисовала их двоих стоящими на крыше, хотя в жизни они ни разу туда не забирались.

— Она мне другой пришлёт, — сказал Тихон.

Громица глянула на него так странно, что он отвёл глаза.

— Прислала бы, — произнесла она. — Если бы знала, куда.

И, прежде чем кто-нибудь успел спросить, отвернулась к лесу.

* * *

Они шли за Громициной недолго. Уже через час тропа распалась на пять едва заметных проходов между корнями, и старуха указала один, а сама свернула в другой. Гостята хотел оставить на дереве зарубку, чтобы найти дорогу обратно, но Громица отняла у него нож.

— Дорога всё равно уйдёт, куда захочет. Не порть дерево.

К полудню стая вышла к заболоченной поляне. Здесь когда-то стояла деревня: из земли торчали остатки срубов, на каменном основании печи росла молодая берёза. У колодца обнаружили старый детский башмак. На каблуке был выжжен знак солнца с девятью лучами — такой же, как на княжеском щите, только без сокола.

Ратмир остановился. Гостята записал находку. Рожан, глядя на знак, внезапно произнёс:

— До князей земля была одна.

— Ты вспомнил? — спросила Млада.

Рожан моргнул и снова стал обычным стариком, который не помнил, зачем держит в руках палку.

Из тумана донёсся детский плач.

Тихон вспомнил женщину на лесной тропе и остался на месте. Под плачем слышался стук сапога о дерево. Он показал Невзору на туман. Следопыт обошёл колодец, проверяя землю и не отвечая ни на один голос.

Невзор вернулся и присел рядом с Ратмиром.

— Трое живых. Под ногами следы, верёвки настоящие. Женщина, мальчишка и старик. Рядом четверо в княжеских плащах.

В полуразрушенном доме сидело четверо вооружённых мужчин. Они разводили костёр из досок, взятых от чужих стен. Пленных держали у печи. Один стражник рассказывал, как получил награду за пойманных волчьих, и хвастался мешочком серебра. Другие смеялись. На полу рядом лежали

два волчьих ошейника из толстых железных полос.

— Ловят не нас, — прошептала Ольша. — Других.

— Это храмовая стража, — сказал Гостята, разглядев знаки на плечах. — Они раньше охраняли святыни. Теперь ходят с облавами.

Млада пошла первой. Она скользнула к задней двери и перерезала верёвку на скрипучей створке. Невзор снял стражника у окна, едва слышно ударив рукоятью ножа по виску. Берест и Ратмир вошли спереди, отвлекая остальных. За несколько мгновений двое врагов оказались на полу. Третий успел выхватить лук.

Он целился не в воинов, а в связанного мальчика.

— Назад, твари! — крикнул он. — Шевельнётесь — пробью мелкого!

Тихон стоял между печью и дверью. До мальчика было четыре шага. Он мог рвануться, но стрела была быстрее. У него в руках был меч, который вдруг показался тяжёлым и бесполезным.

— Положи оружие, — сказал стражник. — Ты первый.

Ратмир медленно опустил топор. Он уже рассчитывал, как бросить оружие и в тот же миг ударить, но стражник заметил движение.

— А ты не дёргайся, старый волк!

Мальчик плакал. Женщина пыталась прикрыть его собой, хоть руки её были связаны за спиной.

Тихон вспомнил рисунок сестры, отданный Громице.

Вспомнил, как держал её на руках, когда ей было четыре, и как она боялась грозы, хотя смеялась над любой взрослой угрозой. Вспомнил, как обещал вернуться домой не знаменитым героем, а просто братом.

И понял, что успеет сделать только одно.

Он выпустил меч. Кровь ударила в виски. Внутри позвоночника будто раскрылись сотни замков, которых никто никогда не касался. Рёбра разошлись, кожа зазудела, ладони выгнулись к земле. Тихон не успел закричать человеком: горло уже стало чужим.

Зверь рванулся вперёд.

Стрела ударила в плечо, но не остановила его. Тихон схватил стражника за грудь, оторвал от пола, ударил о стену так, что бревно треснуло. Человек упал без звука. Меч остался лежать на земле рядом с маленькой детской шапкой.

Волчий стоял над телом и тяжело дышал. Он не был похож на Береста или Ратмира в зверином облике: тоньше, быстрее, с тёмной шерстью по хребту и светлыми полосами возле глаз. Его когти дрожали. Он смотрел на женщину и мальчика, не зная, почему они боятся его больше, чем мёртвого стражника.

Млада подошла сбоку.

— Тихон. Вернись.

Он не откликнулся.

Ратмир присел напротив зверя.

— Ты сделал, что мог. Теперь хватит. Мы здесь.

Зверь повернул голову. В тёмных глазах промелькнуло узнавание. Тихон тяжело опустился на колени, и превращение пошло обратно: шерсть осыпалась влажными клочьями, суставы возвращались на место, дыхание становилось человеческим.

Когда он снова смог говорить, первым делом спросил, жив ли мальчик. Ждан кивнул. Ребёнок прижимался к матери, плакал, но был цел.

— Хорошо, — выдохнул Тихон.

Потом вдруг побледнел.

— Ратмир. У меня была сестра?

Ратмир не ответил. Было видно, что юноша сам знает ответ и боится услышать его.

— Была, — сказал Гостята. — Ты мне про неё рассказывал. Она рисовала смешных собак.

— Как её звали?

Гостята открыл рот, потом понял, что не помнит: Тихон говорил о сестре часто, но всегда называл её сестрёнкой. Имени не произносил.

Тихон смотрел на Гостяту и ждал имени, которого писарь дать не мог.

— Я помню, что кого-то любил, — произнёс он. — Но не могу понять кого.

Млада села рядом и положила ладонь ему на затылок. Он не отстранился.

Уже вечером Гостята вывел на бересте строку: «Тихон.

Первое обращение. Забыл младшую сестру. Разыскать имя». Потом посмотрел на юношу под чужим плащом и приписал то, что нельзя было свести к цене превращения: «Спас ребёнка у старой печи».

Когда мальчик проснулся и попросил пить, Тихон сразу узнал его голос. Позже он попросил Гостяту ещё раз прочесть запись о сестре и долго смотрел на пустое место, оставленное после слов «разыскать имя». Ни один из товарищей не мог пока заполнить его.

Глава седьмая. Семеро у тропы

После первого превращения Тихона отряд замедлил ход: юноша знал о сестре только со слов товарищей, а имени никто пока назвать не мог. Наутро они вышли на тропу, показанную Громицей. До полудня между стволами почти не было просветов. Потом тропа вышла на круглую поляну высокого холма. В центре стояли семь тёмных глыб. На каждой были высечены лица, но время стёрло черты так, что нельзя было понять, улыбаются они или скалятся. Между камнями лежала ровная земля, а в самой середине — колодец без воды.

Невзор обошёл поляну и вернулся с озадаченным лицом.

— Ни одного следа.

— Мы первые здесь за сто лет? — спросил Берест.

— Нет. Здесь ходят. Только следы не остаются.

Они не успели решить, как пересечь поляну, когда вдалеке затрубил рог. Звук был человеческим, но отозвался в камнях так, будто по кругу протянули живую струну. Невзор опустился на одно колено. На склоне, откуда пришла стая, показались трое княжеских ловчих. За ними тянулись ещё несколько фигур. Люди настигли волчьих не по запаху: на их щитах висели медные пластинки, и каждая указывала туда, где стоял Тихон.

Млада шагнула вперёд с луком. Ратмир остановил её. На

поляне не осталось следов, и он ещё не знал, что случится с тем, кто прольёт здесь кровь. Ловчие тоже колебались. Впереди шёл молодой десятник; он держал меч, но смотрел не на Ратмира, а на центральный колодец. Потом приказал своим людям окружать камни.

— Ты меня слышишь, Сивый? — крикнул десятник. — Велено мальчишку взять живым. Остальным положена смерть.

— Приказ часто путает положенное с удобным, — ответил Ратмир.

Первый ловчий выстрелил без команды. Стрела, направленная Тихону в бедро, прошла через пустоту и ударилась о камень позади стрелка. Тот вскрикнул. В следующую секунду вокруг поляны встали семь неподвижных теней, длинных и острых, как вытянутые копья. Они не походили на людей, хотя их очертания напоминали плечи и головы. У каждой тени в центре мерцала слабая красная искра.

— Не шевелиться, — прошептал Невзор, прижимая ладонь к земле.

Ловчие не слышали предупреждения. Десятник подал знак к атаке, и двое солдат бросились через траву. Первого остановила собственная тень: она поднялась перед ним, как стена. Второго ударило чем-то невидимым по щиту. Щит раскололся на две части, а солдат упал на спину и больше не пытался встать. Он остался жив, хотя лицо его побелело от ужаса.

Берест потянулся за топором. Ратмир сжал ему запястье. Они не могли победить то, что не понимали, и лучше было не проверять на себе, каким образом камни различают агрессора. Млада медленно опустила лук. Рядом Тихон повторил её движение, встав между Гостятой и окаменевшими на месте ловчими.

Самый молодой солдат, потеряв оружие, попытался ползти к краю поляны. Красная искра в ближайшей тени мигнула. Он замер, прижав ладони к земле. Невзор нащупал в сумке кусок верёвки и осторожно бросил ему конец. Солдат схватил верёвку, а Невзор потянул, не переступая границу камней. Тень не препятствовала; человеку позволили покинуть круг, пока он сам отказывался от нападения.

Десятник увидел это и тоже бросил меч. Тени начали опускаться, но не исчезли совсем. Ловчие отступили к деревьям, волоча раненого товарища. У самого края десятник обернулся и крикнул, что запомнил лица предателей. Ратмир не ответил. Ни один из тех, кто вошёл на поляну с оружием, не смог бы забыть случившегося, даже если очень хотел.

Когда последний ловчий исчез в лесу, у камней остались только семь вытянутых полос темноты и странная тишина. На траве по-прежнему не было следов. Невзор посмотрел на верёвку в руках, словно не мог понять, почему поляна позволила ему помочь врагу, но остановила тех, кто хотел убить.

— Кто-то здесь очень не любит приказы, — сказал он.

— Или очень любит, когда человек сам отвечает за то, что

делает, — сказала Млада.

До сих пор Гостята прятал обруч Стрыги в мешке: княжеские пластины слишком напоминали ему знаки на камнях. После отступления ловчих он решился проверить их сходство.

Он вынул обруч и сверил насечки с тремя знаками на ближайшем камне. Он приложил обруч к выемке. Металл лёг точно, словно его изготовили специально для этого места. Ничего не произошло.

— Нужно слово, — сказала Млада.

— Какое? — поинтересовался Берест. — «Открывайся, скотина» подойдёт?

Из колодца донёсся голос:

— Не впервые это предлагают. И пока ни разу не сработало.

Все разом обернулись.

В колодце, на узком выступе, сидел человек в тёмной домотканой одежде. Волосы его были белыми, но лицо могло принадлежать и сорокалетнему, и человеку вдвое старше. На коленях лежала рыбацкая сеть, которую он тщательно чинил костяной иглой.

— Ведан? — спросил Ратмир.

— Когда-то так звали. Теперь чаще зовут стариком, лжецом или бедой. Смотря кто пришёл.

Волхв поднялся и выбрался наружу так легко, будто колодец был не глубже порога. Он осмотрел каждого, задержав-

шись взглядом на Рожане и Тихоне.

— Долго добирались. Я уже думал, Миротвор вас перебил.

— Ты знал? — спросила Млада.

— Знал, что попытается. Знать, что получится, никому не дано.

Ратмир выступил вперёд.

— Мы пришли узнать, кто дал нам волчью кровь и почему князь хочет её уничтожить.

— Пришли за ответами. Обычно здесь просят память вернуть. Вы хотя бы не торгуетесь с самого порога.

— Можешь вернуть? — быстро спросил Тихон.

Ведан посмотрел на юношу. Потом — на пустое место у него в руках, словно видел рисунок, которого там уже не было.

— Иногда. Но не мне решать, какую память вернуть. То, что ушло, уже принадлежит другому.

Они прошли в низкую землянку за камнями. Изнутри она была больше, чем казалась снаружи. Вдоль стен стояли полки с глиняными сосудами. Под потолком висели высушенные травы, маленькие фигурки зверей, старые воинские пряжки. На стене был нарисован мир: девять областей вокруг огромного тёмного леса, а под ними — ещё один круг, будто вторая земля, спрятанная внутри первой.

— Здесь нарисована дорога, которой нет ни на одной княжьей карте, — сказал Гостята. — Чьи это земли?

— Ваши, — ответил Ведан. — Только без тех границ, которые князья нарисовали совсем недавно.

Ратмир увидел на стене знак солнца с девятью лучами. Такой же был на детском башмаке из мёртвой деревни.

— Кто нарисовал?

— Те, кто жили до первых крепостей. Их города были из камня, а дороги — под землёй. Потом пришла зима, которой не кончалось три человеческих жизни. Они попросили помощи у богов. Не у добрых, а у тех, кто согласился отвечать.

— Первый Волк, — произнесла Млада.

— Один из них. И не самый страшный.

Ведан поставил перед гостями глиняную чашу с водой. В отражении было видно девятерых людей, сидевших у очага. Но когда Тихон наклонился, увидел не своё лицо, а тёмную волчью морду. Он отпрянул. Вода осталась гладкой.

— Девять первых родов дали клятву охранять тропы между миром живых и тем, что лежит ниже, — продолжил Ведан. — За это их потомки получили кровь сторожей. Пока они были вместе, граница держалась. Потом князья решили, что стража полезнее в войне с соседями, чем у давно забытых ворот.

— Почему память? — спросил Ратмир.

Ведан долго молчал. Потом взял с полки глиняный сосуд и легко ударил по его краю. Внутри что-то отозвалось еле слышным человеческим шёпотом.

— Ничто не исчезает бесследно, Сивый. Даже то, о чём

ты забыл. Особенно то, о чём ты забыл.

— Где оно теперь?

— Там, куда ещё нельзя пускать живых.

Ждан подтянул к себе сумку с лекарствами и принялся без нужды проверять застёжку. Берест открыл рот, потом, не придумав ни единой подходящей шутки, сел рядом с Рожаном.

Ведан отвернулся к очагу.

— Отдохните. Ночью покажу вам, почему князь так торопится. Только один из вас должен остаться снаружи. И один — отдать мне настоящее имя.

— Зачем? — спросила Ольша.

— Чтобы было кому открыть дверь, если она закроется с другой стороны.

Ратмир почувствовал, как невидимая плата уже легла на стол между ними.

— Имя отдаю я, — сказал он.

Ведан покачал головой.

— Твоё слишком часто произносили в бою. Дверь его не примет.

Он посмотрел на Рожана.

Старик поднял голову, словно услышал знакомый зов через много лет.

— Моё возьмёт, — произнёс он. — Я всё равно скоро не смогу его вспомнить.

* * *

Ратмир не хотел оставлять Рожана у волхва. К вечеру старик путал лица, иногда спрашивал, где его руки, хотя держал ими чашу. А минутой позже узнавал Береста по походке и смеялся над его руганью. Ратмир видел, что тот ещё может решать за себя, и именно это делало предстоящий выбор мучительным.

— Имя заберёшь последним, — сказал Ратмир. — Пока я отвечаю за выход, ищем другую дорогу.

— Ты слишком долго решал за всех, Сивый, — тихо ответил Рожан. — Позволь старику хоть раз решить за себя.

Млада поддержала Ратмира, и оттого спор затянулся. Ждан говорил о цене обряда, Гостята требовал объяснить, что значит «отдать имя», Берест предложил подложить волхву имя любого покойника, с которым тот всё равно не знаком. Ведан выслушал их, не вмешиваясь.

— Я не заберу жизнь, — сказал он наконец. — Имя останется у вас, если сумеете его удержать. Но для двери он перестанет быть Рожаном. Она будет звать его иначе.

— Как? — спросил Гостята.

— Это зависит от того, что она о нём помнит.

Ведан провёл их к центральному колодцу. На дне действительно не было воды: там виднелись ступени, уходившие вниз, в темноту. На камнях лежала пыль, но не было ни паутины, ни следов мышей. Словно сюда не заглядывали живые существа.

Рожан остался у обруча. Ведан посадил его лицом к во-

стоку и велел повторить первое имя на деревянном шнурке. Старик взял пустой кругляш, долго глядел на него, потом сказал:

— Ладушка.

Слово повисло в воздухе. Рожан испугался сам себя.

— Это кто? — прошептал он.

Ведан не ответил. Каменный колодец загудел низко и ровно, будто глубоко под землёй натягивали огромную струну.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.